

Взыскательный читатель, вероятно, недовольно поморщится. Опять про Горбачёва? К сожалению, приходится возвращаться к этой теме, так как феномен Горбачёва до сих пор плохо изучен. Уникально, но Михаилу Сергеевичу в течение шести с половиной лет удалось беспрепятственно вести страну гибельным курсом. Таких прецедентов в мировой истории крайне мало. Но они могут повториться. Не осмыслив этого феномена, Россия снова рискует наступить на те же грабли.

Сегодня многие из бывшего окружения Горбачёва дают ему самые уничижительные характеристики и приводят просто ошеломляющие факты предательских и разрушительных деяний бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС, а впоследствии Президента СССР. Возникает вопрос: а какую же позицию они занимали в горбачёвские времена?

Губительную сущность первого и последнего президента СССР ранее всех осознал Ричард Косолапов, доктор философских наук и один из авторов последней Программы КПСС, принятой XXVII съездом КПСС. В январе 1986 года, он, будучи главным редактором журнала **“Коммунист”**, направил Горбачёву письмо, в котором предсказал провал “перестройки”. В постсоветские годы Косолапов написал ряд статей, в которых дал бывшему президенту СССР безжалостную, но объективную характеристику, назвав его **“всемирно-историческим или эпохальным ничтожеством”**.

В своём исследовании я позволю себе проанализировать основные вехи биографии Михаила Сергеевича, чтобы понять, как из простого советского паренька вырос руководитель, принесший горе миллионам советских людей.

Прежде всего, постараюсь ответить на вопрос, мучающий многих россиян: **как он пришёл к власти? И был ли Горбачёв агентом влияния Запада или просто политическим лузером?** Рассказ начну с юности нашего “героя”, так как существует версия, что “некие враждебные силы” чуть ли не с детства “вели” его по жизни к вершинам власти.

Начну рассказ с юности Миши Горбачёва. Это важно потому, что даже весьма солидные, остепенённые исследователи допускают здесь грубейшие искажения. Например, утверждается, что Михаил плохо учился, а в детстве сотрудничал с нацистами и был незаслуженно награждён орденом Трудового Красного Знамени и т. п. Подобное позволяет Горбачёву заявлять, что большинство негатива о его жизни является выдумкой.

Итак, 2 марта 1931 года в селе Привольное Ставропольского края в семье Сергея Андреевича и Марии Пантелеевны Горбачёвых родился мальчик. Родители решили назвать его Виктором. Бывший пресс-секретарь Президента СССР Андрей Грачёв в книге **“Горбачёв. Человек, который хотел, как лучше...”** пишет, что *“дед Андрей Моисеевич Горбачёв, крестивший внука в церкви села Летницкого, сменил имя Виктор, данное мальчику при рождении, на Михаила, неосторожно, может быть, поменяв ему судьбу: лишив шансов стать “Победителем”, обрёк его на одинокую гордыню “Подобного Богу”.*

Кстати, в 2009 году в интервью журналу “Большой город” (№ 1/222) Горбачёв сообщил, что дед, изменив при крещении его имя, “не ошибся”. По мнению Горбачёва, это было правильное решение, так как Виктор – это всего лишь победитель, а Михаил – еврейское имя, что в переводе значит “равный Богу”. Вот так!

Дальше – больше. В 2011 году на пресс-конференции в ИТАР-ТАСС по поводу своего 80-летия Михаил Сергеевич “раскрыл тайну” своего появления на свет. Оказывается, он был рождён, как Иисус Христос, на соломе, в хозяйственной пристройке. По мнению Горбачёва, это также было знаковым событием, якобы определившим его предназначение в этом мире.

После войны, благодаря боевым и трудовым заслугам отца, Михаил получил трудовое крещение, сыгравшее решающую роль в его жизни. Летом 1948 года он, семнадцатилетний ученик восьмого класса (два года Михаил потерял из-за войны), работавший помощником комбайнёра на уборке урожая, за трудовые успехи был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Впоследствии окажется, что это достаточно ординарное событие оказало существенное влияние на историю Советского Союза.

Многие исследователи недоумевают, каким образом сезонно работавший на уборке урожая школьник был награждён не медалью, а второй по значению в стране трудовой наградой. Высказываются самые невероятные версии, одну из которых, наиболее расхожую, я озвучу. Утверждается, что в погоне за скошенными гектарами Михаил в период, когда отец отдыхал, включал на комбайне 3-ю скорость и, не считаясь с потерями зерна, резко увеличивал количество скошенных гектаров. Якобы таким образом Горбачёвы оказали в соревновании за урожай 1948 года первыми, за что им и вручили ордена.

Однако известно, что в 1948 году комбайны не были самоходными, они работали в сцепке с трактором. Скорость уборки урожая определялась скоростью трактора, а не комбайна. Сомнительно, чтобы взрослый тракторист послушал школьника, с какой скоростью убирать хлеба, тем более что учитывались не гектары, а намолоченные центнеры зерна.

Горбачёв в мемуарах **“Жизнь и реформы”** описывает уборку урожая в 1948 году так: *“Это был первый настоящий урожай. Собрали на круг по 22 центнера с гектара. В те времена, особенно после неурожайных лет – результат небывалый. А тогда с 1947 года действовал Указ Президиума Верховного Совета СССР: намолотил на комбайне 10 тысяч центнеров зерна – лучшей звание Героя Социалистического Труда, 8 тысяч – орден Ленина. Мы намолотили с отцом 8 тысяч 888 центнеров. Отец получил орден Ленина, я – орден Трудового Красного Знамени. Было мне тогда 17 лет, и это самый дорогой для меня орден. Сообщение о награде пришло осенью”.*

Достаточно достоверная информация об этом эпизоде биографии Михаила Горбачёва представлена в телефильме **“Первый президент”** (производство ТПО “Союзтелефильм”, 1991). В фильме была продемонстрирована страница из газеты **“Ставропольская правда”** тех лет. Вверху призы “За дружную работу, товарищи комбайнёры!” Ниже “С честью выполним социалистические обязательства!”

Под ними заголовок статьи “Агрегат Сергея Горбачёва готов к работе”. В статье сказано: “По инициативе партийной организации Покровской МТС создан первый в районе комсомольский комбайновый агрегат, состоящий из двух комбайнов “Сталинец-6”. Начальником агрегата дирекцией МТС утверждён комбайнёр-коммунист Сергей Горбачёв. Вместе с ним будет работать опытный комбайнёр Яков Яковенко. Штурвальными – их сыновья Михаил Горбачёв и Александр Яковенко.

За комсомольским агрегатом закреплён новый мощный трактор “С-80”, на котором будут работать трактористы Рыжих и Кудрин. Горючее и воду будут подвозить кандидат в члены партии т. Рядко и участник Отечественной войны, кавалер ордена Славы Пётр Удовиченко”.

Всё говорит о том, что не только экипаж, но и вся вспомогательная обслуга комсомольского агрегата были специально подобраны. Кандидатуры будущих рекордсменов были, несомненно, согласованы не только в райкоме, но и крайкоме партии.

Александр Яковенко, напарник Михаила, в телефильме рассказывал, что экипаж агрегата тогда намолотил 19 тысяч 800 центнеров зерна. Отцы-комбайнёры получили ордена Ленина, сыновья – Трудового Красного Знамени. Но Михаил Сергеевич никогда не упоминал о напарниках. Возможно, потому, что хотел подчеркнуть значимость Горбачёвых в совершённом трудовом подвиге.

В дополнение замечу, что в советские времена “качественный состав” (партийность, социальное положение и происхождение, образование, национальность и т. д.) награждаемых правительственными наградами строго контролировался партийными органами. Несмотря на то, что предпочтение отдавалось коммунистам и комсомольцам, ставилась задача, чтобы среди награждаемых были беспартийные и представители всех слоёв советского общества и национальностей и т. д.

Правда, всё могло быть по-другому, если бы “строгие дяди” в райкоме партии при утверждении кандидатур на рекорд более внимательно отнеслись к родословной комбайнёра Сергея Андреевича Горбачёва.

Известно, что дед Михаила по линии отца – Андрей Моисеевич Горбачёв – был убеждённым единоличником. Он изо всех сил сопротивлялся коллективизации, за что в 30-е годы был выслан в Сибирь и несколько лет отработал на лесоповале. Проблемы с властью были и у деда по линии матери, председателя колхоза Пантелеева Ефимовича Гопкало, который в 1937 году за невыполнение плана посева зерновых был признан “саботажником”, получил срок за “должностное преступление”, отсидел 14 месяцев, был оправдан и освобождён.

И хотя особого криминала за предками Горбачёвых не было, но в то время вышеперечисленного было бы достаточно, чтобы ордена “пролетели” мимо Сергея Андреевича и Михаила. Кстати, впоследствии, когда Горбачёв стал партийным деятелем, люди с малейшими отклонениями в биографии не могли рассчитывать на его снисхождение. Особенно это проявилось в его бытность Генеральным секретарём КПСС.

После награждения орденом Миша Горбачёв автоматически попал в категорию особо доверенной советской молодёжи. Такие в первую очередь становились комсомольскими вожаками, они были непременно участниками торжественных мероприятий, их пропагандировали в прессе, для них были открыты все пути в советской стране. Естественно, что с учётом этого Михаил сделал следующий решающий шаг в жизни. В девятнадцать лет, ещё в школе, он стал кандидатом в члены КПСС.

Следует отметить, что юный Горбачёв учился без напряжения, так как отличался прекрасной памятью, схватывал всё на лету. Но глубоко и вдумчиво прорабатывать подхваченные новые идеи ему было не интересно. Он был и остался великолепным компилятором чужих идей. К этому добавлю, что у Михаила были неплохие артистические задатки. В разговоре со старшими по положению он легко перевоплощался и производил впечатление их поклонника и единомышленника.

Становление

Закончив в 1950 году школу с серебряной медалью (“четыре” по немецкому), Михаил без экзаменов поступил на престижный юридический факультет Московского государственного университета. На этот факультет поступали

Не черашние десятиклассники, а бывшие фронтовики с наградами и направленцы из МВД. Но Горбачёв не спасовал перед ними. Он неплохо владел словом, был достаточно начитан и, самое главное, чрезвычайно активен. Вскоре Михаил был избран комсоргом группы, а потом секретарём комсомольской организации факультета. После того как в 1952 году он стал членом ВКП(б), его ввели в состав парткома университета.

В университете Горбачёв производил впечатление открытого и общительного парня, хотя, когда к нему как члену парткома обращались с конкретной просьбой, не отказывал, но и не помогал, ссылаясь на обстоятельства.

Лучшим другом и фактическим наставником Михаила в университете стал чех Зденек Млынарж, с которым он делил комнату в студенческом общежитии. Он был старше Михаила на два года и более зрелым в политическом отношении. Как известно, Млынарж был сторонником “социализма с человеческим лицом” и в период Пражской весны 1968 года являлся секретарём ЦК КПЧ. Беседы с ним оказали огромное влияние на формирование мировоззрения Михаила.

Млынарж, в отличие от Горбачёва, до конца остался верен идеям демократического социализма, точнее – социализма с человеческим лицом. После поражения Пражской весны Млынарж эмигрировал в Австрию. В Чехословакию он вернулся после “бархатной революции” 1989 года, когда Компартия была отстранена от власти. Млынарж стал почётным председателем “Левого блока” – коалиции коммунистов с социалистами. Но захватившие в Чехословакии власть антисоциалистически настроенные правые либералы даже не хотели слышать о демократическом социализме. В итоге Млынарж предпочёл вернуться в Австрию. В этой связи утверждать, что Млынарж посеял у Горбачёва разочарование в социализме, нет оснований.

Помимо Млынаржа, в университете у Михаила нашлось немало друзей. В 1950-е годы Московский университет собирал под своей крышей лучшие молодые умы СССР и стран социалистического лагеря. Это был настоящий “вселенский котёл” мыслей и мечтаний о новом обществе, о светлом будущем. С Михаила быстро слетел его провинциальный налёт. Он стал полноправным членом московского студенчества.

Впоследствии мысли и идеи, услышанные Горбачёвым в университете, позволяли ему в разговорах и, прежде всего, с “сильными мира сего” производить впечатление восторженно-идеалистического молодого человека, стремящегося развивать социализм, сохраняя все его ценности. Именно в это время Михаил понял силу вовремя сказанной цитаты и силу лести, обращённой к старшим.

В 1953 году будущий юрист Михаил Горбачёв и студентка философского факультета МГУ Раиса Титаренко создали семью. Это событие во многом определило жизнь Михаила Горбачёва. По твёрдости характера, организованности, граничившей с педантичностью, Раиса во многом превосходила мужа. Без её воздействия Горбачёв вряд ли достиг бы политических высот.

Комсомольский вожак

В 1955 году Михаил закончил юридический факультет МГУ. Как пишет он в своих воспоминаниях, за будущее не волновался, так как входил в состав комиссии по распределению и знал, что в числе других 12 выпускников (11 из них были фронтовиками) его направляли в Прокуратуру СССР.

Но “наверху” решили, что молодых юристов, не имеющих жизненного и профессионального опыта, рискованно определять на работу в высший эшелон прокурорского надзора. Горбачёву на выбор были предложены места в прокурорских органах Томска, Благовещенска, в Таджикистане или в подмосковном Ступино. Это была реальная возможность чете Горбачёвых “зацепиться” в столице, а Раисе – продолжать учёбу в аспирантуре.

Однако у Михаила были другие планы. Он понимал, что поиск счастья в чужих краях может закончиться ничем. Горбачёвы решили ехать в Ставрополь. Горбачёв в воспоминаниях пишет: *“Бесцеремонность, проявленная работниками Прокуратуры СССР, безразличие к моей семейной ситуации и вся история с моим распределением зародили у меня серьёзные сомнения относительно работы по специальности. Не развеяла их и стажировка в Ставрополе. И я принял решение порвать с прокуратурой. Вступил в контакт с крайкомом комсомола”*.

Вот что рассказал мне в декабре 2008 года бывший первый секретарь Ставропольского крайкома комсомола Виктор Михайлович Мироненко об этом эпизоде жизни Горбачёва. По словам Виктора Михайловича, в краевой прокуратуре Михаилу предложили поехать в заштатный район. Это означало конец мечтам о карьере.

Горбачёв решил действовать через земляков и прорваться в обком комсомола. К В. Мироненко его привёл член бюро крайкома комсомола, редактор газеты **“Молодой ленинец”** Ларионов (он и Горбачёв были родом из Привольного). В 1955 году сотрудников, имевших высшее образование, в аппарате Ставропольского крайкома комсомола насчитывалось всего шесть человек.

В то время в крайкоме вакантной была должность заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации. Молодой юрист с высшим столичным образованием, член партии, награждённый орденом, имеющий опыт комсомольской работы, как нельзя лучше соответствовал этой должности. Горбачёв успешно прошёл собеседование в отделе партийных органов крайкома партии и начал новый этап своей комсомольской карьеры.

Однако не так прост был Михаил Сергеевич в молодости. Всё, что касалось карьеры, он делал с двойной страховкой, тем более что “руководящей и направляющей силой” в этих вопросах для него являлась жена Раиса. Утверждают, что Горбачёв как-то проговорился, что *“Раиса Максимовна всё время подталкивала меня к тому, чтобы я последовательно занимал всё более и более высокое положение в стране”*.

Как пишет бывший секретарь Ставропольского крайкома КПСС и спичрайтер Горбачёва Анатолий Коробейников в книге **“Горбачёв: другое лицо”**, перед походом к В. Мироненко Михаил всё же подстраховался. Он заручился поддержкой партийных органов: *“По свидетельству земляков, он буквально унижался в Ставропольском крайкоме партии, чтобы получить хоть какую-либо комсомольскую должность. Люди, которые рассказывали мне об этом, ещё живы и не скрывают своих имён”*.

Работая в крайкоме ВЛКСМ, Горбачёв много ездил по краю. О его выступлениях в молодёжных коллективах приходили положительные отзывы. Говорун он был отменный. Но при этом не забывал, как отмечал друг детства Горбачёва и бывший второй секретарь Ставропольского крайкома КПСС Виктор Алексеевич Казначеев, с которым мне довелось контактировать, регулярно наносить визиты ответственным работникам крайкома партии, поражая их заранее подготовленным цитатничеством. Уже через год Горбачёв был избран первым секретарём Ставропольского горкома комсомола.

Первым секретарём Ставропольской краевой партийной организации в это время был Лебедев Иван Кононович, которому по душе пришлись инициативность и напористость Горбачёва и подчеркнуто уважительное отношение к старшим товарищам. Через два года, в апреле 1958 года Горбачёв был избран вторым секретарём крайкома ВЛКСМ. К этому времени ранее упомянутый В. Мироненко уже “раскусил” Горбачёва и высказался против этого назначения, но в крайкоме партии решили по-другому.

В 1960 году в крае сменилось партийное руководство, первым секретарём крайкома стал 42-летний Фёдор Давыдович Кулаков, высланный Хрущёвым из Москвы. Он обратил внимание на инициативного второго секретаря крайкома ВЛКСМ и в том же году выдвинул Горбачёва на должность первого секретаря крайкома ВЛКСМ. С этого момента в течение 18 лет Кулаков является “доброй феей” Михаила Горбачёва.

В ноябре 1961 года Горбачёв по должности избирается делегатом XXII съезда КПСС. На съезде он, как и все делегаты, вместе с проектами партийных документов получил только что отпечатанный номер “Нового мира” с повестью А. И. Солженицына **“Один день Ивана Денисовича”**. На этом съезде Никита Хрущёв впервые публично (на XX съезде КПСС в 1956 году Хрущёв озвучил доклад **“О культе личности и его последствиях”** после закрытия съезда на закрытом заседании) ещё раз обрушился на Сталина и его окружение. К этому Горбачёв был психологически готов.

Об этом свидетельствует эпизод биографии Горбачёва, который поведал бывший советский журналист, а в настоящее время — корреспондент американского (Бостон) журнала на русском языке **“Чайка”** Валерий Лебедев. Он сослался на бывшего сокурсника Горбачёва по МГУ, упомянутого нами Зденека Млынаржа, с которым беседовал в 1985 году после прихода Горбачёва к власти.

В изложении Млынаржа эпизод отрицания Горбачёвым сталинизма выглядел так: “Зимой 1956 года молодой 25-летний Михаил Горбачёв приехал с молодёжной делегацией в Москву. Там он услышал закрытое письмо Хрущёва, разоблачающее “культ личности Сталина” на XX съезде. Письмо его потрясло. Ошеломлённый Михаил Горбачёв вышел на Ленинские (Воробьёвы) горы и примерно на том же месте, что когда-то Герцен с Огарёвым, дал клятву посвятить всю жизнь борьбе со сталинизмом. То есть фактически – с системой”. Вполне возможно, что так оно и было, хотя даты событий не совпадают.

Можно утверждать, что Никита Сергеевич Хрущёв оказал решающее влияние на формирование молодого Горбачёва. В январском номере польского журнала “Пшеглонд” (№ 1/2010) было опубликовано интервью бывшего директора Стокгольмского международного института исследования проблем мира, бывшего министра иностранных дел Польши профессора Адама Ротфельда.

Ротфельд заявил, что во второй половине 90-х годов он был приглашён в Москву на международную научную конференцию, посвящённую 100-летию со дня рождения Н. Хрущёва. Конференцию организовал “Горбачёв-фонд”. Во время перерыва Горбачёв пригласил Ротфельда на кофе. В ходе беседы Ротфельд спросил, чем было обусловлено проведение конференции. На это Михаил Сергеевич ответил: **“Без Хрущёва не было бы Горбачёва”**.

Необходимо подчеркнуть, что Горбачёв, став Генеральным секретарём ЦК КПСС, более всего боялся повторить судьбу Никиты Сергеевича, но в худшем варианте. Это опасение многократно возросло после кровавой расправы в 1989 году над главой Компартии Румынии Николае Чаушеску, осуществлённой при косвенном согласии Горбачёва. Особенно Горбачёва поразило, что с Чаушеску расправились его бывшие соратники. Это во многом стало определять поступки Михаила Сергеевича как главы советского государства в последние годы перестройки.

Но вернись в комсомольский период Горбачёва. Тогда его способность имитировать бурную деятельность была просто поразительной. Добавьте к этому отличную память Михаила и его умение выступать на актуальные темы, подкрепляя это цитатами из трудов классиков. Это обеспечило ему фантастически быстрый карьерный рост.

Особо следует поговорить о методах работы Горбачёва в этот период. Карьерный рост Михаила пришёлся на время, когда погоня за количественными показателями в ВЛКСМ стала довлеющей. Важнейшим показателем здесь стал рост рядов. Ставропольский край попал по этому показателю в отстающие. Горбачёв быстро нашёл выход. В комсомол стали принимать без всякой подготовки классами, бригадами. Последствия этой порочной практики, получившей широкое распространение в масштабах страны, сказались значительно позже. А тогда Ставропольский край вышел в передовики по росту рядов комсомольской организации.

Практика принимать в комсомол скопом, всех подряд приняла при Хрущёве массовый характер. В итоге Ленинский союз молодёжи превратился в рыхлую, идеологически неоднородную массу. Известно, что процесс отказа от социализма в 1990-х годах возглавил именно союзный комсомол.

В хрущёвский период также изменилась практика отбора в партию. Главным для приёма в КПСС стали не идейная убеждённость и качества политического бойца, а безупречная анкета. Не случайно из 19 миллионов коммунистов, числившихся в КПСС в 1986 году, накануне XXVII съезда партии, в 1991 году большинство попряталось по “щелям”.

В 1959–1960 годах Ставропольский крайком ВЛКСМ с “лёгкой руки” Горбачёва призвал комсомольцев и молодёжь края выполнить семилетний план по производству мяса, молока и яиц за пять лет. Было принято постановление крайкома комсомола **“О шефстве над “королевы” полей (кукурузой). — Прим. В. Ш.) и ускоренном разведении уток”**, выполнение которого через пару лет с треском провалилось. Но Горбачёва заметили. Во времена Хрущёва, когда внешней стороне дела уделялась неоправданно большое внимание, он пришёлся “ко двору”. И не он один! Такие “говорунуны” в комсомоле делали блестящую карьеру.

Выдвижению Горбачёва во многом способствовали его компилятивные способности. Бывший помощник Горбачёва, а впоследствии заведующий Общим отделом ЦК КПСС Валерий Иванович Болдин писал: **“Умение присваивать чужие идеи развито у Горбачёва до вершин совершенства”** (Болдин В. И.

Крушение пьедестала... М., 1995. С. 64). Михаил Сергеевич уже тогда “за версту” чувствовал новое, востребованное, умело использовал чужие почину и инициативы для саморекламы, которая с этого момента стала для Горбачёва своеобразным образом действия и жизни.

В общении Горбачёв создавал впечатление покладистого, доброго и отзвучившего человека. Со старшими по возрасту и положению вёл себя, как почтительный сын. На секретарей Ставропольского крайкома партии, а впоследствии на престарелых членов Политбюро это действовало безотказно.

Стремительный рост по карьерной лестнице обеспечивал Горбачёву получение положительных характеристик. На занимаемых должностях он, как правило, снимал “сливки”. Когда же приходило время оценивать результаты, Горбачёв уже был на новой должности, и “шишки” за допущенные провалы доставались преемникам. Этот метод “делания” карьеры безотказно срабатывает в любых случаях.

К партийным высотам

Однако у Горбачёва случались и досадные проколы. В январе 1962 года на краевой отчётно-выборной комсомольской конференции его за формализм в работе резко критиковал первый секретарь крайкома партии Фёдор Давыдович Кулаков. Обычно это означало закат карьеры. Но не таков был ставропольский комсомольский вожак. Он сумел найти “ключик” к сердцу “первого”. Но об этом секрете Горбачёв предпочитает умалчивать.

Буквально через два месяца, в марте 1962 года Кулаков дал шанс Горбачёву продолжить путь к партийному Олимпу. В КПСС подобное отношение к кадрам, попавшим под огонь партийной критики, было чрезвычайно редким. Как правило, так относились или к родственникам влиятельных людей, или к “нужным” людям. Остаётся только гадать, по какой причине такой властный и крутой руководитель, каким был Кулаков, поддерживал Горбачёва, несмотря на его недоработки.

Возможно, решил, что инициативного комсомольского вожака следует перевести на работу под особый партийный надзор, и если он справится, то можно думать о его перспективах. Горбачёва назначили парторгом крайкома по Ставропольскому управлению, объединившему три пригородных сельских района: Шпаковский, Труновский и Кочубеевский.

Однако и здесь возникли проблемы. Летом 1962 года бюро крайкома партии обратило внимание парторга Горбачёва на **проявленную безответственность** в работе с Обращением ЦК КПСС и Совета Министров СССР к труженикам сельского хозяйства. Горбачёв возразил против такой оценки, и тогда была создана комиссия для проверки его работы. Факты подтвердились и, как пишет известный исследователь кремлёвских тайн Николай Зенкович, в августе 1962 года на собрании краевого партийного актива Кулаков “выдал” Горбачёву сполна (Зенкович. Самые закрытые люди. С. 111).

Казалось бы, партийная карьера закончена. Двух срывов обычно не прощали. Но Горбачёв каким-то образом сумел убедить Ф. Кулакова вновь дать ему шанс. Все бывшие коллеги Михаила Сергеевича, с которыми мне довелось общаться, были убеждены, что ситуация спасла Раиса. Она обладала редким умением убеждать собеседника. Якобы она пошла к Кулакову и доказала, что муж не потерян для партийной работы. В итоге в январе 1963 года Горбачёв начал работать в Ставропольском сельском крайкоме КПСС.

В октябре 1964 года в Москве сместили Хрущёва. В этом активное участие принимал Кулаков. Для детальной проработки плана действий против Хрущёва “кремлёвские заговорщики” во главе с Брежневым и Шелепиным в начале осени 1964 года собирались в Тебердинском заповеднике Ставропольского края. Кремлёвские гости полностью доверяли Кулакову, так как он числился среди жертв хрущёвского произвола. Горбачёв в этот процесс не был вовлечён. Однако как заворг крайкома он получил навыки того, как ведётся “подковёрная” борьба за “место под солнцем”.

В ноябре 1964 года Кулакова за участие в смещении Хрущёва перевели в Москву зав. отделом сельского хозяйства ЦК КПСС. Но он не забыл верно-го “Санчо Панса”. По рекомендации Кулакова Горбачёв в декабре 1964 года был назначен заведующим отделом партийных органов Ставропольского краевого комитета КПСС. Новый первый секретарь крайкома партии, Ефремов

Леонид Николаевич, не особо противился этому назначению. Да и зачем было спорить Ефремову с могущественным предшественником, который числился в друзьях у нового Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева?

Замечу, что должность заворга всегда котировалась на уровне секретаря, так как в своей повседневной работе, а это, прежде всего, работа с кадрами, заворг постоянно контактировал с первым секретарём и по праву считался его “правой рукой”.

Во многом этому способствовало то обстоятельство, что, как отмечали люди, хорошо знавшие Михаила Сергеевича в ставропольские годы, “он был тогда действительно приметной фигурой, выделялся на общем фоне партийных и комсомольских кадров демократизмом, общительностью, столичным образованием, склонностью к нестандартным действиям, величайшим усердием в работе, ловкостью в отношениях с начальством, умением быть душой дружеского застолья.

Вместе с тем, все отмечали в один голос легковесность Горбачёва в конкретных делах (“попрыгунчик какой-то”), его неспособность довести до конца ни одного серьёзного начинания. Особенно резко проступила эта черта личности Горбачёва, когда он достиг уровня первого секретаря крайкома партии, что предполагало его самостоятельную роль...” Эту характеристику Горбачёва привёл В. Легостаев в статье “Генсек кровавый”.

Четыре года работы заведующим отделом партийных органов крайкома сделали Горбачёва настоящим партаппаратчиком, прежде всего, в овладении искусством кадровых перестановок и аппаратных интриг. Этот опыт он успешно применил в 1985–1991 годах. Помимо этого, Горбачёв виртуозно овладел искусством не ссориться с нужными людьми. Всё это обусловило его дальнейший быстрый карьерный рост.

В это же время, хорошо понимая, что в сельскохозяйственном крае невозможно продвигаться без соответствующего образования, он, опять-таки по совету Кулакова, поступил на заочное отделение Ставропольского сельскохозяйственного института, который окончил в 1967 году, получив диплом учёного агронома-экономиста сельского хозяйства.

Уже упомянутый А. Коробейников в книге “Горбачёв: другое лицо” отмечает, что “университетский диплом не сделал Горбачёва юристом, а диплом экономиста сельского хозяйства, как я мог убедиться, мало что прибавил к знаниям, полученным им в “сельскохозяйственной академии жизни”. Словом, его крестьянские корни стали “вещью для себя”, а юридические знания так и остались “вещью в себе”.

Объективность этой характеристики подтвердила сама жизнь. Михаил Сергеевич, став Генсеком ЦК КПСС и Президентом СССР, поразил всех, бездарно уступая выигрышные с правовой точки зрения ситуации.

Однако продолжу. В 1966 году Горбачёва избрали первым секретарём Ставропольского **горкома** КПСС. В 1968 году, несмотря на сопротивление первого секретаря Л. Ефремова, он стал вторым секретарём Ставропольского **крайкома** КПСС. Нажим из ЦК КПСС сделал своё дело. Впереди для Горбачёва открывались новые горизонты, а поддержка Кулакова, к тому времени уже члена Политбюро ЦК КПСС, прибавляла ему уверенности.

Менее чем через два года, в **начале 1970 года** в ЦК КПСС, с подачи того же Кулакова, решили, что второй секретарь созрел для самостоятельной работы, и Горбачёв стал первым секретарём Ставропольского крайкома КПСС. Надо сказать, что к тому времени у Горбачёва в Политбюро появился ещё один покровитель – председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов.

Благоприятное впечатление Горбачёву удалось произвести и на другого члена Политбюро – Александра Николаевича Шелепина. Однажды Михаил Сергеевич **всю ночь** прогулял с ним по территории дачи в Архызе, слушая его рассказы о московской жизни. Это свидетельствует о том, что умел Горбачёв заинтересовать московских гостей. И хотя все они имели огромный опыт общения с людьми, но, тем не менее, не сумели рассмотреть подлинную натуру Михаила Сергеевича.

Одни в силу того, что сами, по сути, были “Горбачёвыми”, другие – в силу человеческой веры в лучшее. Но не спешите осуждать последних. Вспомните предсмертный крик римского Цезаря по поводу коварного предательства своего лучшего друга: “И ты, Брут?!...” К сожалению, многим из нас

приходилось пригравать змею на груди. По большому счёту, жизнь каждого из нас – это во многом череда доверительных отношений, часто сменяющихся разочарованием или предательством.

При этом практические результаты деятельности Горбачёва на посту хозяина Ставропольского края оставляли желать лучшего, так что в политических фаворитах у большинства членов Политбюро ЦК КПСС Горбачёв не числился. Даже в период рассмотрения его кандидатуры на пост секретаря ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев Ставропольский край называл “овечьей империей”, а Горбачёва – “овцеводом”. Это при том, что Михаил Сергеевич уже тогда пытался создать себе ореол ведущего практика и теоретика сельского хозяйства союзного масштаба.

Для этого Горбачёв применял испытанный метод – саморекламу. Он, как и в комсомоле, принялся усиленно внедрять в крае почины и проводить эксперименты. Так, на Ставрополье родился прогремевший по стране ипатовский метод уборки урожая. Суть его в том, что в Ипатовский район в приказном порядке была переброшена уборочная техника из районов, где хлеба созревали позже. Уборка действительно завершилась в рекордные сроки. Правда, значительная часть собранного урожая из-за спешки (недосушили) оказалась потерянной. Но Михаил Сергеевич Москве отрапортовал, как положено.

По итогам ипатовского эксперимента ЦК КПСС приняло специальное постановление **“Об опыте работы Ипатовской парторганизации на уборке урожая”**. Леонид Ильич Брежнев прислал поздравление хлеборобам района. Михаил Сергеевич воспринял это как личное достижение. Не важно, что через год от ипатовского метода пришлось отказаться, так как терялась значительная часть урожая и крайне нерационально использовалась сельскохозяйственная техника.

А. Коробейников одну из глав книги **“Горбачёв: другое лицо”** назвал: **“Ни одного завершённого дела”**. Вот несколько строк из этой главы: *“Прогресс ипатовский метод – и лопнул; “петушился” над созданием межхозяйственных предприятий – МХП (в народе быстро и по-своему “расшифровали” эту аббревиатуру: Михаил х... придумал) – и бросил; настроил сотни животноводческих комплексов – и забыл о них... И так практически во всём”* (с. 88).

Наиболее ярко способность Горбачёва создавать показушные результаты показало строительство ирригационной системы на Ставрополье. Под это дело было выделено 525 миллионов рублей – огромная по тем временам сумма. Стремление Горбачёва паразит размахом мелиоративных работ и объёмом осваиваемых средств вновь привело к наращиванию количественных показателей. Главное было для Горбачёва – обеспечить километраж оросительно-обводнительной системы и отрапортовать Москве о новых достижениях. А то, что лишь один из десяти километров каналов, введённых в строй, имели надлежащую гидроизоляция и облицовку, это не столь важно. В итоге после переезда Горбачёва на Старую площадь в крае началось интенсивное засоление и подтапливание богарных земель.

В этой связи целесообразно привести отзыв Легостаева о роли Горбачёва в развитии Ставрополья: *“Человеку разумному трудно, не впадая в смятение чувств, читать те страницы биографического сочинения Горбачёва, на которых тот фантазирует на тему своей деятельности в ставропольский период... Ведь в каждом буквально абзаце – хвастовство, самолюбование и обязательно ложка гадости в адрес тех, с кем Горбачёв тогда сталкивался по работе, либо в адрес советской власти”*.

Разговорами, улугами и лестью...

Успехи Горбачёва по руководству экономикой Ставропольского края были не впечатляющими. Их явно не хватало для выдвижения на партийный Олимп. Видимо, по этой причине Михаил Сергеевич лишь один раз удостоился права выступить на Пленуме ЦК КПСС. Фактически он считался одним из многих региональных партийных лидеров в Союзе.

Однако у Горбачёва перед большинством из них было огромное преимущество. Он был хозяином благодатного края, в котором были сосредоточены многочисленные правительственные лечебницы и дачи. А Кавказские Минеральные Воды и Кисловодск, находившиеся в полутора часах езды от Ставрополя, в те годы были своеобразной Меккой для членов Политбюро ЦК КПСС.

Партийные иерархи, приезжающие в край на оздоровление или лечение, были предметом особого внимания и заботы краевого комитета партии и его секретарей. Как уже говорилось, благодаря этому Горбачёв уже к моменту назначения первым секретарём имел влиятельных покровителей. Прежде всего, это был член Политбюро ЦК КПСС, Председатель КГБ СССР Ю. Андропов.

Вот что рассказывает бывший пресс-секретарь Горбачёва А. Грачёв о знакомстве Михаила Сергеевича с “земляком” Андроповым (Юрий Владимирович родился на станции Нагутская Ставропольского края).

“Горбачёв и Андропов познакомились в 1969 году, когда тогдашний первый секретарь Ставропольского крайкома Л. Ефремов отрядил своего “второго” съездить в Кисловодск с дежурной миссией – засвидетельствовать почтению отдыхающему члену ПБ, рассказать для проформы о делах края и ответить на заданные для проформы же вопросы. К своему удивлению, Горбачёв встретил человека, который, может быть, в силу естественной оторванности от проблем советской глубинки начал дотошно о них расспрашивать. Их встречи постепенно стали регулярными и неформальными, хотя происходили только на ставропольской территории и “никогда в Москве”.

В тот раз Андропов поселился в санатории “Дубовая роща”. Впоследствии Андропов останавливался в санатории “Красные камни”, в уединённом коттедже, но с кем не общался, если не считать регулярно приезжающих к нему из Москвы сотрудников КГБ. Единственным из местных, для кого Андропов делал исключение, был Горбачёв – его машину андроповская охрана пропускала беспрепятственно.

Как пишет Горбачёв в воспоминаниях, в период пребывания Андропова на Ставрополье он старался взять отпуск и поселиться с семьёй в санатории “Красные камни”. Андроповы и Горбачёвы выезжали в горы, жарили шашлыки, а потом долго сидели у костра и слушали песни бардов-шестидесятников, которых любил Андропов.

В 1971 году, уже на правах партийного хозяина края, Горбачёв познакомился с начальником 4-го управления при Минздраве СССР Евгением Ивановичем Чазовым, опекавшим здоровье кремлёвских должностных лиц и, в силу этого, имевшим доступ ко многим кремлёвским тайнам. Следует также иметь в виду, что Чазов был человеком, весьма близким к шефу КГБ Ю. Андропову. Запомните фамилию “Чазов”, она будет постоянно возникать в самых щекотливых кремлёвских ситуациях.

Чазов и Горбачёв быстро стали близкими друзьями не только на почве общего патрона Андропова, но и в связи с постоянной потребностью Горбачёва в информации из Москвы. Каждый раз, когда Чазов появлялся на Ставрополье, Горбачёв на два-три дня исчезал из поля зрения крайкомовских сотрудников. Он угощал нового друга шашлыками на природе. Взамен Евгений Иванович знакомил Горбачёва с кремлёвскими новостями, с состоянием здоровья членов Политбюро и, соответственно, с расстановкой сил на Старой площади (место нахождения ЦК КПСС).

Чазов убедил Горбачёва заняться тем, чтобы высшее руководство страны чаще приезжало на лечение и отдых в Ставропольский, а не в соседний Краснодарский край. Став первым секретарём, Горбачёв этому вопросу уделил особое внимание. В срочном порядке в Кисловодске на месте пионерского лагеря строительными силами 9-го управления КГБ была возведена шикарная госдача, отреставрирована по высшему классу правительственный санаторий “Красные камни”, в котором любил отдыхать Ю. Андропов. Построили также новый дом отдыха в селе Отрадном, на заповедном озере Маныч.

Для семьи Горбачёвых в живописнейшем месте в селе Бекешевка была возведена загородная дача с огромным охотничьим залом для приёмов, биллиардом, финской сауной и русской баней. Туда было не стыдно привезти на шашлыки гостей самого высокого уровня. В Ставрополе перестроили гостиницу “Интурист”, которая также могла принимать именитых гостей. Атмосферу южного шарма и колорита создавали кафе и рестораны, открытые грузинскими теневиками, бежавшими от Шеварднадзе, в то время объявившего борьбу с коррупцией. Последнее заслуживает особого разговора, но это отдельная тема.

Не был забыт и Чазов. Его ведомственную дачу в Архызе отделали итальянскими и французскими строительными материалами, завезли туда импортную мебель и оборудование. Расчёт между друзьями был обычным: услуга за услугу.

Райские уголки для высокопоставленных лиц и московской знати, благодаря Горбачёву, в крае росли, как грибы. В них устраивались вечеринки, дни рождения, праздники с неизменным вручением дорогих подарков. Всё это называлось гостеприимством по-ставропольски. Такое общение Горбачёва с сильными мира сего, в конечном счёте, трансформировалось в “ковер-самолёт”, перенесший его в Москву.

Некоторые исследователи, перечисляя вышеизложенные факты, пытаются делать выводы о том, что именно в это время произошло “буржуазное перерождение” Горбачёва. Эти утверждения не вполне верны. Горбачёв всегда был таким. Только каждая сторона его реальной сути открывалась соответственно времени.

В сталинский период он был бы “верным ленинцем-сталинцем”, подтверждая свою “принципиальную” позицию умело подобранными цитатами из работ вождей и жёсткой борьбой с “врагами народа”. В хрущёвский период ситуация в КПСС стала меняться, а во времена Брежнева от сталинских порядков почти ничего не осталось. Соответственно, менялся и Горбачёв. Мимикрия у него была потрясающая. Такие люди были не только в Ставрополе.

Карьера по сценариям

Огромную роль в возвышении Горбачёва сыграли сценарии встреч Горбачёва с сильными мира сего, приезжавшими из Москвы. Их готовила Раиса Максимовна. Об этом мне поведал уже упомянутый В. Казначеев. Философский факультет МГУ отшлифовал природный ум и целеустремленность Раисы, которые позволяли ей вычленивать главное в любой ситуации и определить точки воздействия на неё.

Особое внимание Раиса уделяла подготовке Михаила к застольям, которыми обычно заканчивались все визиты высоких гостей. Для этого продумывались темы для разговора, подбирались нужные цитаты классиков, которые Горбачёв мог использовать как бы экспромтом. В итоге Михаил Сергеевич поражал гостей своей эрудированностью. На самом деле он был обычным цитатчиком и никогда глубоко не вникал в произведения классиков и мировых философов. Знакомство с новыми книгами у него сводилось в основном к чтению аннотаций и предисловий.

Однажды в узкой компании Михаил Сергеевич заметил по этому поводу следующее: *“Прочитаешь иную справку — это же целый роман!”* Но предельно откровенно на эту тему Горбачёв выразился в марте 1991 года во время кремлёвского фуршета, посвящённого его 60-летию. На вопросы о том, знаком ли Михаил Сергеевич с той или иной актуальной статьёй или книгой, он отвечал, что у него мало времени, поэтому этими вопросами занимается Раиса Максимовна, которая вечером ему вкратце пересказывает и резюмирует важнейшие печатные материалы. Жаль, что в этот момент её не было рядом с Михаилом Сергеевичем. Она бы как “регент” Генсека пресекала попытки мужа банально демонстрировать свою ограниченность.

Шедевром в списке проведения четой Горбачёвых встреч с важными и нужными людьми следует считать организацию пребывания в Ставрополе второго человека в Политбюро, главного идеолога партии Михаила Андреевича Сулова. Тот в 1933–1944 годах работал первым секретарём Орджоникидзевского (Ставропольского) крайкома и горкома КПСС. Сулов прибыл в Ставрополь в мае 1978 года для вручения городу ордена Октябрьской революции за достижения в хозяйственном и культурном строительстве и в связи с 200-летием со дня его основания.

Несомненно, что организация встречи Сулова в Ставрополе не обошлась без подсказок всезнающего шефа КГБ. Психологическое давление на высокого гостя началось уже в аэропорту и на улицах, куда вышло почти всё население города. Здравицы в честь Политбюро ЦК КПСС и лично высокого гостя на торжественном заседании были нескончаемы. В завершении этого хорошо продуманного и блестяще разыгранного спектакля Сулову показали специально смонтированный кинофильм, в котором тот был показан как талантливый организатор партизанского движения на Ставрополье. Принципиальный и всегда официально сухой Михаил Андреевич растрогался до слёз.

В программе пребывания Сулова в Ставрополе было также предусмотрено посещение музея его жизни и деятельности. Как пишет сын Андрея Андре-

евича Громыко в своих воспоминаниях: *“Старец дал слабину, растроголся и отплатил Горбачёву добром”* (Громыко А. А. Андрей Громыко в лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М., 1997. С. 70).

Сулов был известен в партии как пуританин, лишённый человеческих слабостей. Он даже валюту, оставшуюся от заграничных командировок, сдавал в партийную кассу. Но в Ставрополе он действительно “дал слабину”. Его дочери Майе Михайловне по случаю дня рождения были преподнесены дорогие сувениры, а в самолёт положили подводное ружье и дефицитную в те годы кожаную куртку для внука. Всё это было с благодарностью принято. Умел Михаил Сергеевич принимать и улаживать московских гостей.

Встречи с “кремлёвскими небожителями” оказали решающее влияние на судьбу М. Горбачёва. В период брежневского руководства в кадровой политике широкое распространение получили принципы землячества и личного знакомства с выдвигаемыми кадрами. Не случайно в то время в ЦК КПСС работало большое количество выходцев из Днепропетровской области, где родился и работал Л. Брежнев, а также его сослуживцев по различным регионам страны.

Вполне естественно, что Горбачёв регулярно получал от московских гостей выгодные предложения о переходе на работу в Москву. По словам самого Горбачёва, в начале 1970-х годов секретарь ЦК КПСС Пётр Нилович Демичев (до декабря 1974 года он курировал в ЦК КПСС вопросы идеологии, науки и культуры) предлагал ему возглавить Отдел пропаганды ЦК КПСС. Однако после совета с Ю. Андроповым и Ф. Кулаковым Горбачёв отказался.

Председатель Госплана Николай Константинович Байбаков предлагал Михаилу Сергеевичу пост зама по вопросам сельского хозяйства. Рассматривалась кандидатура Горбачёва и на пост Генерального прокурора СССР (Н. Зенкевич. Власть. Распри. Подоплёка. С. 391). Но Горбачёв от всех предложений отказывался, как будто предвидя своё будущее.

“Добрая фея” Андропов

Андропов, познакомившись на отдыхе с Горбачёвым, сразу взял его на заметку. Его привлёк артистизм, с которым Михаил Сергеевич выдавал желаемое за действительное и входил в доверие к людям, а также и беспринципность, позволявшая Горбачёву легко менять позицию в зависимости от обстоятельств.

Легостаев в **“Генсеке кровавом”** так писал по этому поводу: *“Будучи опытным контрразведчиком, обладая глубокими навыками в оценке человеческих характеров, Юрий Владимирович, вне всяких сомнений, отметил также для себя примечательные черты личности Горбачёва: патологически честолюбив; умственно неглубок; хвастлив; самонадеян; отъявленный лицемер; лжёт, не краснея; владеет навыками политической демагогии; хорош в компании, на шашлыках; умеет расположить к себе, вызвать на откровенность; легко, без раскаяния, предаёт и продаёт, если ему это выгодно; не имеет стойких политических убеждений”*.

Легостаев считал, что вышеперечисленное плюс слухи о “левых” доходах Михаила Сергеевича давали Андропову *“шанс контролировать поведение бойкого ставропольца в сложных ситуациях”*. Возможно, это и так. Но одно очевидно: Андропов имел на Горбачёва особые виды. Лучше, чем кто-либо другой в Политбюро, шеф КГБ был информирован о назревающей в СССР кризисной ситуации. Юрий Владимирович также знал, что состояние Брежнева после перенесённых им в январе 1976 года инсульта и клинической смерти оставляло желать лучшего.

Понимал Андропов и то, что “старцы” из Политбюро будут “уходить” только на оружейных лафетах и что они костыми лягут, но не допустят, чтобы он стал Генеральным секретарём ЦК КПСС. В этой связи председателю КГБ предстояло вести тайную войну за пост Генсека.

В этой войне ему был необходим верный помощник. Но не просто помощник, а человек, способный легко входить в доверие к людям, при необходимости создать группу поддержки в защиту патрона, внести раскол в стан оппонентов, быть его глазами и ушами и в то же время производить впечатление самостоятельно мыслящего политика. Горбачёв на фоне других региональных партийных лидеров представлялся Андропову именно такой фигурой.

В связке с другим верным помощником Андропова — Чазовым — Горбачёв должен был стать мощным средством влияния на политическую ситуацию в Политбюро ЦК КПСС. Поэтому Юрий Владимирович сделал ставку на “ставропольца”. Ему нужна была “надёжная и управляемая” подпорка в Политбюро ЦК. Видимо, другие кандидаты не прошли его кадровое сито. В итоге Андропов стал для Горбачёва второй “доброй феей”. Первой, как говорилось, был Кулаков.

Сегодня можно утверждать, что уверенность Андропова в том, что лишь он способен направить СССР по верному пути, а поэтому он должен возглавить партию и государство, явилась **той пружиной, что выбросила Михаила Сергеевича на самый верх властной пирамиды СССР.**

В 1978 году Андропов начал завершение операции, которую можно назвать **“Горбачёва — в ЦК КПСС”**. По воспоминаниям главного кремлёвского медика Е. Чазова, уже в начале лета того года Андропов сказал ему о Горбачёве следующее: “Вы не ошибаетесь в нём. С ним можно дружить”. И добавил: “Конечно, было бы хорошо, если бы он был в Москве. Но на сегодня я не знаю, как это сделать”.

Но в июле 1978 года, буквально через месяц после разговора Андропова с Чазовым, в Москве образовалась необходимая вакансия под Горбачёва. По официальной версии, “заснул и не проснулся” “крёстный отец” Михаила Сергеевича, секретарь ЦК КПСС Фёдор Давыдович Кулаков.

Одно время он считался ближайшим соратником Брежнева и одним из наиболее реальных претендентов на его место. В 1978 году зарубежная пресса особенно активно прочла Кулакову блестящее будущее. Некоторые исследователи полагают, что это и стало одной из причин безвременной кончины Кулакова. Другие склоняются к мысли, что необходимо было освободить место для Горбачёва.

По поводу перевода Горбачёва на место, освободившееся после смерти Кулакова, на Генсека Брежнева “давил” не только Андропов. Последний сумел убедить в необходимости перевода Горбачёва в ЦК КПСС одного из патриархов Политбюро — министра обороны Дмитрия Фёдоровича Устинова. Впоследствии Горбачёв заявлял, что с Д. Устиновым его связывали не просто близкие, а “душевные отношения”. В решающем для Горбачёва 1978 году мнение Устинова стало очень весомым.

Но главным всё же было “участие” Юрия Владимировича. Именно он 19 сентября 1978 года устроил на вокзале Минеральных Вод встречу-смотрины Михаила Сергеевича. И хотя разговора у Горбачёва с дряхлеющим Генсеком не получилось — Леонид Ильич практически не слушал “ставропольца”, — “добро” на его перевод в ЦК КПСС было получено.

27 ноября 1978 года Пленум ЦК КПСС по предложению Брежнева единогласно избрал Горбачёва секретарём ЦК, курирующим аграрные вопросы. Его ждал кабинет на Старой площади. Вновь невероятное везение. Какие уж тут “забугорные” покровители?! Это были самые ревностные защитники социализма — Андропов, Сулов и Устинов. Хочешь не хочешь, а получается, что самой судьбой Союзу ССР было предназначено пройти через “горбачёвщину”.

Кстати, Александр Ильич Агранович, известный советский публицист, в 1970-х годах занимавшийся в “Литературной газете” анализом социально-экономических экспериментов в СССР, так прокомментировал приход Горбачёва: “Мы недавно сделали анализ эффективности вложений в сельское хозяйство; в Ставропольском крае она самая низкая!” Поэтому от перестройки Горбачёва ничего хорошего нельзя было ожидать.

Византийские интриги в Кремле

Необходимо рассказать о мрачной стороне кремлёвских интриг, которые облегчили приход Горбачёва к власти. Речь пойдёт о череде странных смертей престарелых членов Политбюро, которые как бы соревновались в создании ситуации, чтобы молодой партийный лидер взошёл на партийный трон и мог беспрепятственно начать свои губительные эксперименты.

И вновь приходится возвращаться к Андропову. Председатель КГБ понимал, что абсолютное большинство членов Политбюро того времени ни по качественному, ни по профессиональному уровню не были способны своевременно и качественно решать назревающие в стране проблемы. Но он также

хорошо понимал, что кремлёвских старцев, мёртвой хваткой вцепившихся в кресла членов Политбюро, можно убрать разве что “революцией наверху”, что было просто нереально. Более того, для Андропова она была бы бесполезна, так как в то время он **не входил** в число претендентов на высший партийный пост.

Однако считая себя наиболее подготовленным для придания нового ускорения развитию Советского Союза, Андропов начал реализовывать свой план прихода к власти. Он состоял в том, чтобы, с одной стороны, обеспечить нахождение Брежнева на посту Генерального секретаря до того времени, пока у Андропова не появятся реальные шансы самому стать Генсеком, а с другой — обеспечить дискредитацию или устранение других претендентов на этот пост.

Наиболее тесные отношения Андропов в то время наладил с секретарём по оборонным вопросам и членом Политбюро ЦК КПСС Дмитрием Фёдоровичем Устиновым. Полное взаимопонимание Андропова и Устинова установилось в период подготовки к XXV съезду КПСС (проходившему с 24 февраля по 5 марта 1976 года).

На этом съезде Брежнев планировал, в связи с ухудшением здоровья, передать бразды правления первому секретарю Ленинградского обкома КПСС Григорию Васильевичу Романову. Тот имел в партии репутацию честного, некоррупцированного человека, жёсткого, умного технократа, склонного к социальным новациям и экспериментам.

Андропову и Устинову был крайне нежелателен приход молодого Генсека (Романов был младше Андропова на 9 лет, Устинова — на 15 лет, Брежнева — на 17 лет). Для Андропова это означало отказ от своих планов, для Устинова — потерю привилегированного положения в Политбюро. Он имел неограниченное влияние на Брежнева, благодаря чему вопросы повышения обороноспособности страны и, соответственно, сам Устинов всегда были на первом плане. Не случайно он считался главой так называемого “узкого круга” Политбюро, предвительно решавшего все важнейшие вопросы.

Помимо этого, Андропов и Устинов также понимали, что Романов отправит их на пенсию. Поэтому они, при поддержке Суслова, Громыко и Черненко, сумели убедить Брежнева в необходимости остаться на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. Эту процедуру убеждения Генсека Андропову и Устинову пришлось в течение последующих 6 лет проделявать неоднократно, постоянно упрочняя своё положение в Политбюро.

В 1976 году серьёзным деструктивным фактором для Андропова и Устинова оказался министр обороны СССР Андрей Антонович Гречко. Тот просто подавлял Брежнева, во время войны служившего под его началом. Гречко был способен заблокировать принятие Брежневым любого решения. Это и не мудрено. Статный красавец маршал, почти двухметрового роста, по призванию был военачальником. На заседаниях Политбюро дело доходило до прямых выпадов Гречко в адрес Генсека, которые тот терпеливо сносил (Зенкович Н. Самые закрытые люди. С. 120).

Прямых проблем с КГБ у Гречко не было. Но он не скрывал своего негативного отношения к разрастанию бюрократических структур Комитета и усилению его влияния. Это породило известную напряжённость в отношении Гречко с Андроповым, который пытался сделать КГБ максимально самостоятельным.

Ситуацию в Политбюро обостряло то, что секретарь ЦК КПСС по оборонным вопросам Устинов, ещё в июне 1941 года ставший наркомом вооружений РККА, считал себя человеком, сделавшим больше, чем кто-либо, для укрепления обороноспособности страны, и поэтому с трудом делил сферу своего влияния с Гречко.

И вот вечером 26 апреля 1976 года маршал приехал после работы на дачу, лёг спать и **утром не проснулся**. Современники отмечали, что Гречко, несмотря на свои 72 года, во многих вопросах мог дать фору молодым. Но вот...

Считать, что к смерти Гречко причастно ведомство Андропова, было бы проблематично, если бы не одно обстоятельство. Крайне странным является то, что после смерти маршала подобным образом умерли ещё несколько членов Политбюро. В июле 1978 года также во сне, по официальной версии, умер физически крепкий 62-летний секретарь ЦК КПСС Ф. Кулаков. В январе 1982 года **в мир иной во сне** отправился, практически ничем не болевший, второй человек в партии М. Суслов. В ноябре 1982 года **аналогичным образом умер** сам Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев.

То, что эти старики могли и должны были рано или поздно умереть, факт. Станным является то, что все они умирали как-то **очень вовремя**. В 1978 году, как уже говорилось, Андропов жаловался Чазову, что не знает, как перевести Горбачёва в Москву. А через месяц “чудесным” образом возникла вакансия: освободилось место Кулакова, секретаря ЦК КПСС по сельхозвопросам, — как раз под Горбачёва.

Летом 1978 года Кулаков, так же, как и Гречко, приехал на дачу, посидел с гостями, отправился спать и **не проснулся**. Люди, близко знавшие его, утверждали, что Кулаков был здоров, как бык, не знал, что такое головная боль или простуда, был неисправимым оптимистом. Станными являются обстоятельства смерти Кулакова. Накануне вечером дачу Кулакова под разными предложениями **покинули** охрана и личный врач, прикрепленные к каждому члену Политбюро. Это наводит на определённые размышления. Ведь не секрет, что кремлёвские врачи курировались Лубянкой и охрана была из КГБ.

Ранее упомянутый В. Казначеев, хорошо знавший семью Кулаковых, в 2009 году озвучил по ТВ любопытный факт. 17 июня 1978 года в полдевятого утра ему, тогда второму секретарю Ставропольского крайкома КПСС, позвонил первый секретарь Горбачёв и без единой ноты сожаления сообщил, что Кулаков умер. Получается, что Горбачёв узнал эту новость практически одновременно с высшим руководством страны. Странная осведомлённость для партийного руководителя одного из заштатных регионов страны (ТВ “Россия”. Курортный роман с властью. 14.09.2009).

Смерть Кулакова породила немало слухов. На дачу, где умер Фёдор Давыдович, приезжал сам Председатель КГБ Андропов. Смерть констатировал лично Чазов. Детальный, но одновременно **путаный** отчёт специальной медицинской комиссии во главе с ним вызвал большие подозрения у специалистов. Станным было и то, что ни Брежнев, ни Косыгин, ни Сулов, ни Черненко не явились на Красную площадь на похороны Кулакова. На похоронах ограничились выступлением с трибуны Мавзолея первого секретаря Ставропольского крайкома партии М. Горбачёва.

Официально ТАСС сообщил, что в ночь с 16 на 17 июня 1978 года Ф. Д. Кулаков “скончался от острой сердечной недостаточности с внезапной остановкой сердца”. Одновременно КГБ распространил слухи, что секретарь ЦК КПСС Ф. Кулаков после неудачной попытки захватить власть на античный манер перерезал себе вены. По утверждению В. Болдина, “Горбачёв рассказывал своим близким, что Кулаков застрелился” (Зенкович. ЦК закрыт, все ушли... С. 550). Следует добавить, что, хотя зарубежная пресса в 1978 году писала о Кулакове как об одном из самых реальных преемников Брежнева, уже летом того же года он был не у дел.

Завесу таинственной смерти Кулакова приоткрыл бывший Председатель Верховного Совета СССР Лукьянов Анатолий Иванович. С 1985 по 1987 год он работал заведующим Общим отделом ЦК КПСС, в ведении которого был секретный архив Политбюро. 13 марта 2012 года, выступая на семинаре преподавателей истории в Российском государственном торгово-экономическом университете, Анатолий Иванович сообщил, что в архиве он обнаружил информацию о том, что Кулакова обнаружили в постели с простреленной головой (http://izyumov.ru/Vospominaniy_LG/Paralleli_jizn.htm).

Причиной такой смерти, по мнению Лукьянова, видимо, явился разговор Кулакова и Машерова на отдыхе с первым секретарём ЦК Компартии Грузии Эдуардом Шеварднадзе. В ходе разговора Кулаков и Машеров негативно высказались по поводу слабости Брежнева. Шеварднадзе донёс об этом Леониду Ильичу. В итоге Кулаков “не проснулся” в июне 1976 года, а первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Пётр Миронович Машеров был фактически отлучён от ЦК. Его, кандидата в члены Политбюро, нередко стали забывать приглашать на заседания Политбюро, а затем в октябре 1980 года он погиб в крайне странной автокатастрофе.

Не верить А. Лукьянову нет оснований, хотя бывает, что врут и документы из секретных архивов. Но в нашем случае достоверность истории, рассказанной Лукьяновым, подтверждает один факт. На похороны Машерова Брежнев запретил приезжать руководителям Компартий союзных республик. Это было просто вопиюще несправедливое решение. Оно подтверждало серьёзную личную обиду Брежнева на Машерова. Этот запрет рискнул нарушить только первый секретарь ЦК Компартии Литвы Гришкявичюс Пятрас Пятрович.

В Литве искренне любил Машерова. Мне запомнилось торжественное заседание в 1980 году, посвящённое 40-летию восстановления советской власти в Литве. Оно проходило в Вильнюсском Дворце спорта, вмещающем более пяти тысяч человек. Когда объявили о том, что выступать будет Пётр Миронович, весь зал встал и, как будто чувствуя, что видит Машерова в последний раз, долго аплодировал, не давая ему начать выступление.

В этой связи несколько слов об этом замечательном человеке. Если бы он возглавил Союз, а он был достоин этого, то сегодня всё было бы иначе. Машерова отличал высокий научно-интеллектуальный уровень. Его доклад на Пленуме ЦК Компартии Белоруссии в 1978 году, в котором он обосновал необходимость развития **социалистической инициативы и предприимчивости**, был, в отличие от вымученных окружением Брежнева понятий “развитой социализм” и “советский народ”, действительно новым словом в области социалистического строительства. Жаль, что об этом незаслуженно забыли.

Но вернусь к кремлёвским старцам. К осени 1981 года состояние здоровья Брежнева ухудшилось. Чазов об этом информировал Андропова, который понял, что основной претендент на пост Генсека должен быть на Старой площади. Возникла традиционная проблема вакансии. И тут вновь крайне своевременно умер второй человек в КПСС М. А. Сулов.

В. Легостаев так рассказывал об этом: “Сулов и на восьмом десятке жаловался по медицинской части разве что на боли в суставах руки. Умер он в январе 1982-го оригинально. В том смысле оригинально, что перед смертью успешно прошёл в ведомстве Чазова плановую диспансеризацию: кровь из вены, кровь из пальца, ЭКГ, велосипед... И всё это, заметьте, на лучшем в СССР оборудовании, под наблюдением лучших кремлёвских врачей. Итог обычный: проблем особых нет, можно на работу. Он позвонил домой дочери, предложил вместе отужинать в больнице, чтобы с утра сразу ехать на службу. За ужином медсестра принесла какие-то таблетки. Выпил. Ночью инсульт.

Примечательно, что Чазов отработовал о событии, не дожидаясь, пока Сулов испустит последний вздох. Об этом поведал в своих мемуарах Александров-Агентов, долго работавший у Брежнева помощником по международным вопросам. Он пишет: “В начале 1982 года Леонид Ильич отвёл меня в дальний угол своей приёмной в ЦК и, понизив голос, сказал: “Мне звонил Чазов. **Сулов скоро умрёт**. Я думаю на его место перевести в ЦК Андропова. Ведь, правда же, Юрка сильнее Черненко — эрудированный, творчески мыслящий человек” (Легостаев. Генсек кровавый).

Несколько иначе описывает смерть Михаила Андреевича Леонид Сумарков, зять Сулова. В статье “Феномен М. А. Сулова. К 30-летию со дня смерти” он пишет: “Вечером 21-го января, в последний день пребывания в лечебном комплексе “Кунцево”, Сулов вместе с дочерью смотрел телевизионную передачу. Скажу так, что имею собственное убеждение по поводу того, что произошло тогда, и соглашусь с полными грустной, не знаю, искренней ли иронии словами члена Политбюро А. Яковлева, что смерть Сулова произошла как-то “очень вовремя”. Приняв “внештатную” таблетку, подsunутую доктором-сотрудником Главного кремлёвского врача Чазова и одновременно, по существовавшему тогда положению, сотрудником КГБ, через час после этого он потерял сознание, в себя уже больше не пришёл и вскоре умер.

... Что касается врача Льва Кумачёва, давшего таблетку, то он при неясных обстоятельствах, будучи в возрасте около 40 лет, вскоре был найден мёртвым (якобы повесился. — **В. Ш.**)”.

В результате Юрий Владимирович Андропов в мае 1982 года вновь стал секретарём ЦК КПСС, но теперь уже вторым человеком в КПСС, заняв, соответственно, кабинет Сулова. Ему оставалось всего пять с половиной месяцев до поста Генерального секретаря ЦК КПСС. Между тем, существует мнение, что переход Андропова в ЦК был осуществлён по инициативе Брежнева, которого стала пугать бесконтрольность и всевластие шефа секретной службы. При этом ссылаются на то, что по настоянию Брежнева вместо Андропова Председателем КГБ СССР был назначен В. Федорчук, председатель КГБ Украины, близкий друг В. Щербицкого, неприязненно относившегося к Андропову.

Бывший первый секретарь Московского горкома партии Виктор Васильевич Гришин в воспоминаниях “От Хрущёва до Горбачёва” писал: “В. Федорчук был переведён с должности председателя КГБ Украинской ССР. Наверняка по рекомендации В. В. Щербицкого, наиболее, пожалуй, близкого

колевка к Л. И. Брежневу, который, по слухам, хотел на ближайшем Пленуме ЦК рекомендовать Щербицкого Генеральным секретарём ЦК КПСС, а самому перейти на должность Председателя ЦК партии”.

Более определённо об этом рассказывал Иван Васильевич Капитонов, в брежневские времена он был секретарём ЦК КПСС и занимался партийными кадрами: “В середине октября 1982 года Брежнев позвал меня к себе.

– Видишь это кресло? – спросил он, указывая на своё рабочее место. – Через месяц в нём будет сидеть Щербицкий. Все кадровые вопросы решай с учётом этого.

Вскоре на заседании Политбюро было принято решение о созыве Пленума ЦК КПСС. Первым был поставлен вопрос об ускорении научно-технического прогресса. Вторым, закрытым, – организационный вопрос. За несколько дней до пленума Леонид Ильич неожиданно для нас скончался”.

Учитывая вышеизложенное, разговоры о том, что Брежнев видел в Андропове своего преемника, можно считать домыслами. Этот вывод подтверждает и то, что Брежнев был хорошо информирован о неудовлетворительном состоянии здоровья Андропова. Не вызывает сомнений, что своим преемником в то время Брежнев считал первого секретаря ЦК Компартии Украины В. Щербицкого. Видимо, Брежнев согласился держать Андропова “под боком”, в ЦК КПСС, для повседневного контроля. Но Генсек сильно просчитался.

Несколько слов о Щербицком, которого отличал незаурядный природный ум, большое личное обаяние. В отличие от сумрачного, малосимпатичного Андропова, Владимир Васильевич, статный жизнерадостный здоровяк, пользовался большой популярностью в партии и народе.

В 1982 году Владимиру Васильевичу Щербицкому исполнилось 64 года – нормальный возраст для высшего государственного деятеля. К этому времени у него за плечами был огромный опыт политической и хозяйственной работы. Семь лет он был Председателем Совета министров УССР, десять лет – первым секретарём ЦК Компартии Украины, одиннадцать лет – членом Политбюро ЦК КПСС и членом Президиума Верховного Совета СССР. Его отличало умение работать без грубости и окриков, он был убеждённым интернационалистом и непримиримым врагом сторонников “самостийности” Украины. Вот на него и решил сделать ставку Брежнев.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев в конце 70-х – начале 80-х годов не отличался крепким здоровьем. Ощущение дряхлости создали затруднённая речь и склеротическая забывчивость (что стало темой многих анекдотов). Однако даже обычные старики (то есть без кремлёвского ухода) в состоянии глубокого склероза нередко живут очень долго. Можно ли считать естественной смерть Брежнева, последовавшую в ночь с 9 на 10 ноября 1982 года? Хотя, казалось, всё говорило о естественном уходе престарелого Генсека.

Сведения о состоянии здоровья Брежнева были самые противоречивые. Тем не менее, после травмы (перелом правой ключицы), полученной Брежневым в марте 1982 года во время посещения Ташкентского авиастроительного завода, он держался достаточно бодро.

После принятия решения о Щербицком как преемнике Брежнев решил заручиться поддержкой Андропова, чтобы на Пленуме не возникли разногласия по кандидатуре будущего Генсека. По этому поводу он пригласил к себе Юрия Владимировича на 12 часов 9 ноября 1982 года.

В. Легостаев в статье “Как умер Брежнев?” описал день, предшествовавший смерти Брежнева (“Завтра”, № 44/205 от 04.11.1997 г.): “В тот день дежурным секретарём в приёмной генсека работал Олег Захаров, с которым у меня, автора настоящих строк, были давние дружеские отношения... Утром 9 ноября из Завидова ему позвонил Медведев, который сообщил, что Генсек приедет в Кремль в районе 12 часов и просит пригласить к этому времени Андропова. Что и было сделано.

Брежнев прибыл в Кремль примерно в 12 часов дня в хорошем настроении, отдохнувшим от праздничной суеты. Как всегда, приветливо поздоровался, пошутил и тут же пригласил Андропова в кабинет. Они долго беседовали, судя по всему, встреча носила обычный деловой характер. У меня нет ни малейших сомнений в том, что Захаров точно зафиксировал факт последней продолжительной встречи Брежнева и Андропова”.

Однако после этого разговора в ночь с 9 на 10 ноября Брежнев во сне, так же, как Гречко, Кулаков и Суслов, тихо умер. И вновь эту смерть сопровож-

дал ряд странностей. Прежде всего, вновь, как в ситуации с Кулаковым, на брежневской даче в ночь смерти Генсека не было ни одного медицинского работника, хотя до того, куда бы Брежнев ни ехал, в кортеже следовала машина реанимации с полным штатом положенного для крайних случаев персонала, а на даче всегда дежурил врач.

Начальник личной охраны Генсека В. Медведев в книге **“Человек за спиной”** писал, как он вместе с дежурным сотрудником охраны безуспешно пытался делать Брежневу искусственное дыхание. Больше помочь было некому. Через некоторое время явился главный кремлёвский медик **Чазов** и засвидетельствовал смерть. Возникает вопрос. Почему главный медик не привёз с собой реанимационную бригаду, когда получил сообщение о случившемся с Брежневым? Ведь в 1976 году реаниматорам удалось вернуть Брежнева из состояния клинической смерти.

Вызывают удивление явные неточности, которые присутствуют в книге Е. Чазова **“Здоровье и власть”**. Там он заявляет, что сообщение о смерти Брежнева было получено им по телефону в **8 часов** утра 10 ноября. Однако В. Медведев в книге **“Человек за спиной”** сообщает, что в спальню Генсека он и дежурный Собаченков вошли только около **девяти часов**. И только тогда выяснилось, что Леонид Ильич умер.

Далее Чазов утверждает, что после него на дачу Брежнева приехал Андропов. Однако жена Брежнева Виктория Петровна сообщила, что Андропов появился **ещё до** приезда Чазова, сразу же после того, как стало ясно, что Брежнев мёртв. Никому не говоря ни слова, **он прошёл в спальню, взял там небольшой чёрный чемодан и уехал**. А затем официально явился во второй раз, как будто здесь и не был. На вопрос о том, что было в чемодане, Виктория Петровна ответить не могла, хотя Леонид Ильич ей как-то сказал, что в нём **“компромат на всех членов Политбюро”**. Но говорил это со смехом, как бы шутя.

Зять Брежнева Юрий Чурбанов подтвердил, что **“Виктория Петровна сказала, что уже приезжал Андропов и взял портфель, который Леонид Ильич держал в своей спальне. Это был особо охраняемый “бронированный” портфель со сложными шифрами. Что там было, я не знаю. Он доверялся только одному из телохранителей, начальнику смены, который везде его возил за Леонидом Ильичом. Забрал и уехал”**. После Андропова, по словам Чурбанова, прибыл Чазов и зафиксировал смерть Генсека.

Более подробно об обстоятельствах смерти Брежнева и других советских политических деятелей можно прочитать в газете **“Досье гласности”**, издаваемой Юрием Петровичем Изюмовым, бывшим помощником первого секретаря Московского ГК КПСС В. Гришина (**“Как умер Брежнев”**. № 4, 2000).

Считать, как утверждают некоторые исследователи, что вся вышеперечисленная вереница смертей была осуществлена в целях продвижения Горбачёва, просто нелепо. Главным действующим лицом тогда **был Андропов**, стремившийся стать Генсеком. Кстати, многие исследователи недоумевают, как Андропову, которого большинство членов Политбюро недолюбливало, 12 ноября 1982 года удалось практически беспрепятственно быть рекомендованным тем же Политбюро на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Видимо, роль в этом сыграл компромат из **“бронированного портфеля”** Леонида Ильича.

При анализе загадочных и странных смертей в высшем эшелоне власти СССР нельзя сбрасывать со счетов и западные спецслужбы, которые пытались в силу возможностей устранять или нейтрализовать апологетов социалистического строя. Не случайны статьи западной прессы, в которых восхвалялись Романов, Кулаков, Машеров как претенденты на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, явились как бы неким импульсом для их устранения.

Учитывая, что доказательства о непосредственной причастности КГБ к этим странным смертям отсутствуют и вряд ли когда-нибудь будут обнаружены, можно лишь гипотетически рассуждать о роли Андропова в борьбе за власть, хотя ситуация с обстоятельствами смерти Брежнева и изъятием его бронированного портфеля заставляет задуматься.

Видимо, к 1976 году – году начала смертей кремлёвских деятелей – за 9 лет работы в КГБ Андропов стал не только оперировать понятиями спецслужб, но и действовать с их позиций. Для спецслужб любой страны человеческая жизнь сама по себе не является ценностью. Ценность человека, попавшего в их поле зрения, определяется лишь тем, способствует ли он достижению поставленной цели или мешает. Отсюда прагматический подход: **всё, что**

мешает, должно быть устранено. Никаких эмоций, ничего личного, только расчёт, в противном случае спецслужбы никогда не решали бы поставленных перед ними задач.

Предвижу возражение: в отношении партийных работников высокого ранга, особенно кандидатов и членов Политбюро ЦК КПСС, возможности КГБ были ограниченными. Ещё в годы правления Хрущёва номенклатурные работники были выведены из-под оперативного наблюдения КГБ.

В то же время многие члены Политбюро брежневского периода вспоминали, что внимание КГБ они чувствовали повседневно. Известно, что тот же Кулаков предпочитал беседовать на важные темы только в ванной комнате при открытом водяном кране. Да и сам Андропов говорил, что у него на “прослушке” кремлёвских деятелей сидят молодые девушки, которые нередко слышат такое...

Возможности Андропова в отношении контроля за высшей партийной элитой многократно возросли после того, как он сумел привлечь на свою сторону начальника 4-го Главного управления Минздрава СССР Чазова. Андропов и Чазов были назначены на свои должности почти одновременно, в 1967 году. Между ними сложились очень близкие, если можно так выразиться, отношения. Это неоднократно подчёркивает Чазов в своих воспоминаниях.

Андропов и Чазов регулярно встречались. По утверждению Легостаева, их тайные встречи происходили либо по субботам в рабочем кабинете председателя КГБ на пл. Дзержинского, либо на его конспиративной квартире на Садовом кольце, недалеко от Театра сатиры. Темой разговоров Андропова и Чазова являлось состояние здоровья высших партийных и государственных деятелей СССР, и, соответственно, расстановка сил в Политбюро и возможные кадровые перестановки.

Известно, как внимательно относятся к советам лечащего врача старики. Члены Политбюро, да и сам Генеральный секретарь ЦК КПСС, – это были обыкновенные люди. Откровенность высокопоставленных престарелых пациентов также достаточно высокой. Ну, о возможностях врачей влиять на физиологическое и психологическое состояние таких пациентов говорить не приходится.

К этому следует добавить ставшее известным выражение Чазова, в котором он сравнил Андропова с известным итальянским политическим мыслителем средневековья Макиавелли, являвшимся сторонником сильной государственной власти. Ради упорочения государства Макиавелли считал допустимыми любые средства. Отсюда термин “макиавеллизм” для определения политики, пренебрегающей нормами морали. Видимо, у Чазова, как ни у кого другого, **были основания считать Андропова подобным Макиавелли.**

В этой связи следует рассказать историю, которую излагает в книге **“Временщики. Судьба национальной России. Её друзья и враги”** известный советский штангист, олимпийский чемпион, впоследствии талантливый писатель Юрий Петрович Власов. Он приводит уникальнейшее свидетельство провизора кремлёвской аптеки, составлявшего лекарства для пациентов кремлёвской больницы.

Тот сообщил Власову, что в советские времена в аптеку нередко приезжал скромный, незаметный человек. По словам провизора, он был из КГБ СССР. Просматривал рецепты и, протягивая свою, принесённую упаковочку с лекарствами, советовал: **“Вот этому больному добавьте в порошок (таблетку, микстуру и т. д.)”**. Там всё уже было дозировано. Это не были изобретения препаратов. Эти добавки просто усугубляли болезнь пациента, и через какое-то время он умирал естественной смертью. Но это была так называемая **“программируемая смерть”** (Власов Ю. П. Временщики... М., Алгоритм, 2005. С. 87).

Вероятнее всего, человек, приходивший к провизору, действительно был из КГБ. Однако кто его направлял и давал задания, трудно сказать. Возможно, что кто-то “наверху”, борясь за власть, расчищал себе путь. Но установить, работал ли хозяин “человека из КГБ” на себя или на кого-то другого, возможно, даже на ЦРУ, невозможно. Тайная смертельная борьба в высших эшелонах за власть была весьма удобным прикрытием для вмешательства внешних спецслужб. Известно, что в КГБ не только Калугин и Гордиевский работали на Запад.

Власов, с которым считали за честь общаться многие уважаемые советские люди, в том числе Юрий Гагарин, Алексей Косыгин, маршалы Радион Малиновский и Семён Будённый, писал, что *“он слышал своими ушами от человека из самого близкого окружения Андропова о горьких признаниях “шефа” в том, что КГБ основательно засорён американской агентурой”* (Власов. Временщины... С. 86).

Информация о старом провизоре, изложенная в книге Власова, заслуживает доверия хотя бы потому, что Юрий Петрович известен как человек, олицетворяющий совесть России. Но не будем использовать это свидетельство как подтверждение *“античеловечности”* советского режима. Борьба за власть *“до гробовой доски”* характерна и для западных демократий.

Например, до сих пор является загадкой внезапная смерть в апреле 1945 года президента США Франклина Д. Рузвельта. Официальная причина — кровоизлияние в мозг. Однако личный врач президента Мак-Интайр утверждал, что регулярные осмотры президента никаких признаков склероза мозговых артерий не показывали. Помимо этого, существуют свидетельства, что Рузвельта похоронили без вскрытия и похороны проводились в закрытом гробу. Семье, настаивавшей на эксгумации тела Рузвельта, неоднократно отказывалось без объяснения причин.

Известно, что смерть Рузвельта была нужна группе американских олигархов, которые поддерживали Гарри Трумэна, ставшего после Рузвельта президентом. Причём Трумэн мгновенно изменил политическую линию США в отношении СССР на 180 градусов. Остаётся лишь делать соответствующие выводы.

А как расценить странное убийство в 1964 году президента США Джона Кеннеди, за которым потянулся шлейф из 74 убитых свидетелей? Между тем, более чем очевидно, что одним из руководителей заговора против Кеннеди являлся вице-президент Линдон Джонсон.

Но продолжу рассказ о странных смертях политических деятелей, последовавших уже в черненковский период. Можно было бы полагать, что и к этим смертям причастно КГБ. Но они произошли уже после смерти Андропова. Так, 20 декабря 1984 года **внезапная смерть** настигла министра обороны Д. Устинова. В книге **“Здоровье и власть”** Е. Чазов пишет, что **“сама смерть Устинова была в определённой степени нелепой и оставила много вопросов в отношении причин и характера заболевания”**.

Получается, что кремлёвские медики так и не установили, от чего умер Устинов? Известно, что смерть Устинова была крайне невыгодна Горбачёву. В Политбюро тот был главным защитником Михаила Сергеевича. Заболел Устинов после проведения совместных учений советских и чехословацких войск на территории Чехословакии.

Чазов отмечает **“удивительное совпадение: приблизительно в то же время, с такой же клинической картиной заболевает и генерал Дзур”**, тогдашний министр обороны Чехословакии, проводивший вместе с Устиновым учения. Причина смерти Дмитрия Устинова и Мартина Дзура — **“острая сердечная недостаточность”**. Далее, по **этой же причине** в течение 1985 года умерли ещё два генерала — Гейнц Гофман, министр национальной обороны ГДР, и Иштван Олах, министр обороны Венгерской Народной Республики.

С учётом вышеизложенного, свидетельство старого провизора, видимо, следует принимать как достаточно весомое свидетельство о методах борьбы за власть, происходившей на кремлёвском Олимпе. Горбачёв в то время мог участвовать в ней лишь косвенно, в качестве помощника Андропова.

Схватка за партийный “трон”

После смерти Брежнева ноябре 1982 года во главе партии и государства встал Юрий Владимирович Андропов, один из членов негласного триумvirата Политбюро. Период Андропова был для Горбачёва временем больших надежд. *“Вторым”* человеком в Политбюро тогда формально считался Константин Устинович Черненко, но Андропов сделал Горбачёва **реальным** *“вторым”*, поручив ему вести заседания Секретариата ЦК КПСС.

Помимо Андропова, Михаила Сергеевича *“опекал”* другой член триумvirата — могущественный министр обороны Дмитрий Фёдорович Устинов. Третий новый член триумvirата (после смерти Сулова) — министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко — относился к Горбачёву безразлично, но с определённой долей скепсиса.

После смерти Андропова в феврале 1984 года для Горбачёва наступили тяжёлые времена. Он из почти официально объявленного преемника Генсека оказался разжалованным в рядовые члены Политбюро. На первом же заседании Политбюро (23 февраля 1984 года) после избрания Черненко Генсеком, Председатель Совета Министров СССР Н. Тихонов возразил против предложения, чтобы Горбачёв вёл заседания Секретариата, а в отсутствие Генсека — и заседания Политбюро. Его молчаливо поддержал Черненко, который Горбачёва недолюбливал.

Спорный вопрос был решён только после вмешательства Устинова, который заставил Черненко подтвердить за Горбачёвым право вести Секретариат. Но официальное решение Политбюро по этому поводу не принимало, и Константин Устинович не позволил Горбачёву занять кабинет Суллова.

При этом, как известно, Черненко тогда же дал негласное согласие на проверку ставропольского периода работы Горбачёва. Как утверждал В. Легостаев в статье **“Целлулоид ГКЧП”**: *“По слухам, быстро нарыли материалов, имеющих хорошую судебную перспективу”*. Однако в связи с болезнью Черненко и последующей его смертью дело ход не получило.

Черненко не хотел идти на открытый конфликт с Горбачёвым, так как это означало конфликт с Устиновым. Но в Политбюро контрнаступление на Горбачёва продолжалось. Его возглавил Председатель Совета Министров СССР Н. Тихонов, которого поддерживали В. Гришин, Г. Романов, В. Долгих и М. Зимянин.

Помимо этого, крайне неприязненно к Горбачёву относился первый секретарь ЦК Компартии Украины и весьма влиятельный член Политбюро В. Щербицкий, который, как говорилось, был наиболее вероятным кандидатом на пост Генсека после смерти Брежнева. Негативно к Горбачёву относился и другой член Политбюро — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Динмухамед Ахмедович Кунаев. Он именовал Горбачёва *“этот молодой человек”*. Кунаев, бывая в Москве, никогда не звонил ему и не заходил.

Как видим, в Политбюро у Горбачёва была серьёзная оппозиция. Но и Михаил Сергеевич стремился укреплять свои позиции. Этому во многом способствовало обновление кадров в Политбюро и ЦК КПСС, осуществлённое Андроповым. Секретарём ЦК КПСС тогда был избран зампред Председателя Госплана Николай Иванович Рыжков. Заведующим ключевым отделом ЦК КПСС — организационно-партийной работы — был назначен первый секретарь Томского обкома партии Егор Кузьмич Лигачёв. На должность заведующего другим важным отделом — науки и учебных заведений — пришёл ректор Академии общественных наук Вадим Андреевич Медведев.

Председателем КГБ СССР вместо Федорчука Андропов назначил своего бывшего зама Виктора Михайловича Чебрикова. Председателем Совета Министров РСФСР стал первый секретарь Краснодарского крайкома партии Виталий Иванович Воротников. Первым заместителем Председателя Совета Министров СССР был назначен первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Гейдар Алиевич Алиев, который, правда, к Горбачёву относился холодно.

Важнейшей задачей, которую должен был решать Горбачёв в черненко-ский период, была нейтрализация возможных претендентов на пост Генсека. Таких в Политбюро было четверо: Громыко, Гришин, Щербицкий и Романов.

Впервые 73-летний министр иностранных дел СССР Громыко заявил о своих притязаниях на пост главы партии после смерти Суллова. Тогда в телефонном разговоре с Андроповым он пытался прозондировать позицию Юрия Владимировича относительно своего перемещения на позицию *“второго”* вместо Суллова. Громыко прекрасно знал, что у *“второго”* всегда максимальные шансы стать *“первым”*. Но Андропов сдержанно ответил, что решение этого вопроса — это компетенция Брежнева.

Став Генеральным секретарём, Андропов, чтобы как-то успокоить Громыко, сделал его первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Бывший председатель КГБ В. Крючков в книге **“Личное дело...”** привёл свой разговор с Громыко, состоявшийся в январе 1988 года. Андрей Андреевич тогда ему сказал, что в 1985 году после смерти Черненко товарищи из Политбюро предлагали ему занять пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Но Громыко отказался, однако потом, отмечая опасные процессы, начавшиеся в государстве при Горбачёве, с сожалением заметил: *“Может быть, это было моей ошибкой”*.

Амбициозные планы 70-летнего первого секретаря Московского горкома партии Виктора Васильевича Гришина, несмотря на скандал со взятками в торговле (дело директора Елисеевского магазина Соколова), также не были тайной. 66-летний Владимир Васильевич Щербицкий в этот период никакой активности не проявлял, но его дыхание в гонке за пост Генсека ощущал каждый претендент.

Наиболее явным кандидатом на пост Генсека являлся секретарь ЦК КПСС по оборонным вопросам, 61-летний Григорий Васильевич Романов. Он числился в преемниках Брежнева ещё с 1976 года. Но тогда его остановила злобная сплетня о свадьбе его дочери, которая якобы состоялась в Таврическом дворце, и на ней была посуда из Эрмитажа. К 1984 году эта скандальная история, выдуманная в КГБ, подзабылась.

Романов уже был секретарем ЦК КПСС и имел все шансы занять пост Генерального секретаря. Он был хорошо подготовлен в профессиональном плане, обладал организационными способностями, умел доводить порученное дело до конца. Но многих в Политбюро и ЦК пугали его жёсткость и требовательность. Тем не менее, позиции у Романова в черненковской период были не менее сильные, нежели у 53-летнего Горбачёва.

На октябрьском (1984) Пленуме ЦК КПСС Романов появился в президиуме рядом с Генсеком Черненко. На последовавших после Пленума переговорах с делегацией Монголии он также сидел рядом с Черненко и фактически вёл переговоры. Однако вдруг Романов в “гонке” претендентов отошёл на второй план. Утверждают, что он неожиданно сделал ставку на первого секретаря Московского горкома партии В. Гришина.

Трудно сказать, насколько это близко к истине, но в период предвыборной кампании в Верховный Совет СССР (выборы состоялись 24 февраля 1985 года) рядом с немощным Черненко на телеэкранах стал регулярно появляться Гришин. За рубежом сразу сделали вывод, что “следующий промежуточно-компромиссной фигурой на вершине кремлёвского Олимпа станет Гришин”. Версия о том, что Черненко видел своим преемником Гришина, вполне реальна.

Удивительно другое. Романов в конце февраля 1985 года в самый разгар борьбы за пост Генсека, когда Черненко доживал последние дни, решил слетать в Литву отдохнуть. Разумно объяснить этот поступок пока не сумел ни один исследователь. Дело в том, что дача Политбюро находилась на Куршской косе рядом с посёлком Нида. До Клайпедской паромной переправы предстояло ехать 60 км по узкой извилистой дороге. После парома до аэропорта г. Паланги (курорт в Литве) — ещё 20 км. На это требовалось немало времени. Если же возникали проблемы с паромом, то можно было и вовсе застрять на косе. Правда, существовал вертолёт, но ранней весной Балтику так штормит, что вертолёт бывал опасен.

Черненко скончался 10 марта 1985 года в 19 часов 20 минут. Романов, вероятно, получил известие о смерти Генсека достаточно оперативно и принял решение немедленно лететь в Москву. Его вылет в Москву пытались задержать из-за крайне плохой погоды, но Романову удалось убедить экипаж лететь. Во время взлёта сильный порыв ветра едва не сбросил самолёт в море. От катастрофы его отделяли метры и мгновения, но пилот сумел выправить самолёт.

Об этом мне в те годы рассказывал тогдашний первый секретарь Клайпедского горкома Компартии Литвы Чесловас Шлижюс, проважавший Романова в Палангском аэропорту. Ясно, что Романов, рискуя жизнью, стремился в Москву отнюдь не для того, чтобы поддержать кандидатуру Горбачёва. Кстати, я впоследствии встречал сотрудника Палангского аэропорта, который полностью подтвердил слова Шлижюса.

Таинственные заседания Политбюро

До сих пор загадкой остаётся количество заседаний Политбюро, состоявшихся после смерти Черненко. Интриги добавляет поведение Романова. Согласно официальному протоколу заседания Политбюро, он безоговорочно поддержал Горбачёва.

Официально считается, что заседание Политбюро ЦК КПСС, посвящённое выдвижению кандидатуры нового лидера КПСС, началось в **14.00 часов 11 марта 1985 года**. Однако существуют свидетельства того, что первое срочное заседание Политбюро состоялось уже через 2 часа 40 минут после смерти

Черненко, то есть в **22 часа 10 марта 1985 года**. Это время называет Николай Иванович Рыжков, в то время секретарь ЦК КПСС и участник этого заседания. Оно было создано по инициативе Горбачёва.

О том, что происходило на этом, **первом** заседании, однозначных сведений нет. По свидетельству генерала Михаила Докучаева, заместителя начальника 9-го управления КГБ, обеспечивавшего безопасность высших партийных и государственных советских деятелей, первым на заседании выступил Романов. Он сослался на завещание Черненко и предложил кандидатуру Гришина. Против этого возразил Громыко, который заявил, что хватит нам гробы носить, и настоял на кандидатуре Горбачёва. Это предложение прошло большинством в **один голос**.

О реальности подобного развития событий свидетельствует то, что ближайший сподвижник Горбачёва А. Яковлев писал в воспоминаниях, что *“ближайшее окружение Черненко уже готовило речи и политическую программу для Гришина”*. Якобы был даже составлен список нового Политбюро, в котором Горбачёв не фигурировал.

Существует также версия о том, что споры в Политбюро возникли ещё на стадии обсуждения кандидатуры председателя комиссии по организации похорон Черненко. По традиции этот человек и становился следующим Генсеком. Якобы Гришин предложил кандидатуру Тихонова. Большинство поддержало предложение Гришина, однако вмешался Громыко и предложил Горбачёва. В конце концов, Андрею Андреевичу удалось переубедить коллег в пользу Горбачёва.

Однако существует и ещё одна версия, по которой на пост Генсека сразу же был предложен Гришин. Но этому воспротивился председатель КГБ Чебриков. После дебатов Гришин взял самоотвод, но взамен предложил Романова. Однако вспомнили, что Николай II тоже был Романов, и народ может не понять. Тут поднялся Громыко, который убедил всех, что, кроме Горбачёва, кандидатуры нет. Так и был решён вопрос о Генсеке.

Полагаю, что каждая версия имеет право на существование. Не верится, чтобы такой сложный вопрос, при том раскладе сил, который сложился при Черненко, решился так просто и однозначно, как об этом пишет Горбачёв и его сторонники. Не вызывает сомнений, что в марте 1985 года состоялось несколько заседаний Политбюро, в том числе и “узкого круга” Политбюро по поводу кандидатуры будущего Генсека. И только после того, как соперники использовали все аргументы и домашние “заготовки”, когда стало ясно, чья сторона берёт верх, все решили “сдаться” на милость победителя.

Основными факторами, обеспечившими победу Михаилу Сергеевичу, явились его относительная молодость и приспособленческая позиция. Вновь, как и в ситуации с избранием Черненко, члены Политбюро предпочли сделать ставку на **наиболее удобного** кандидата. В итоге прозвучали единодушные возгласы в поддержку Горбачёва, которые и нашли отражение в окончательном варианте протокола.

Сомнения в версии о безальтернативном избрании Горбачёва укрепляют противоречия и нестыковки, содержащиеся в официальном протоколе заседания Политбюро от 11 марта 1985 года. Анализ содержания этого протокола был осуществлён бывшим сотрудником ЦК КПСС, публицистом Николаем Зенковичем. Он выяснил, что Горбачёв, подводя итоги обсуждения первого вопроса по поводу кандидатуры Генсека, заметил, что Пленум ЦК КПСС, на котором должен был избираться глава партии, состоится **через 30 минут**. В этом случае, если исходить из протокола и “единодушной” поддержки членами Политбюро кандидатуры Горбачёва, рассмотрение первого вопроса длилось не более 30 минут. То есть Пленум должен был начаться максимум в **15.00 часов, так как заседание Политбюро началось в 14.00 часов**.

Однако в протоколе время начала Пленума определено на **17.00 час**. Это свидетельствует о том, что обсуждение первого вопроса длилось не полчаса, а **два с половиной часа**. Тут уж трудно говорить о первоначальной единодушной поддержке кандидатуры Горбачёва, как это отражено в протоколе.

При обсуждении третьего вопроса вновь налицо нестыковки. На Политбюро было решено сообщить советскому народу о смерти Черненко по радио и телевидению **11 марта в 14.00 часов**. Но ведь само решение, если верить протоколу, было принято в **16 часов 30 минут 11 марта**. Ясно, что протокол фиксировал не реальный, а скорректированный ход заседания Политбюро.

Согласно официальному протоколу, все члены Политбюро якобы единодушно высказались за Горбачёва. Из всех хвалебных отзывов о кандидатуре Горбачёва, зафиксированных в протоколе, я приведу лишь один.

Его высказал кандидат в члены ПБ, председатель КГБ СССР Виктор Михайлович Чебриков. Его выступление в поддержку Горбачёва можно расценивать как некое давление на членов Политбюро: *“Идея сегодня на Пленум, я, конечно, посоветовался с моими товарищами по работе. . . С учётом всех этих обстоятельств чекисты поручили мне назвать кандидатуру тов<арища> Горбачёва М. С. на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Вы понимаете, что голос чекистов, голос нашего актива – это и голос народа”*. Члены Политбюро намёк Чебрикова поняли и поддержали кандидатуру Горбачёва.

Эту кандидатуру было решено внести на рассмотрение Пленума ЦК КПСС, который начался 11 марта 1985 года в 17.00 часов. Андрей Андреевич Громыко, по поручению Политбюро, предложил кандидатуру Горбачёва на пост Генсека. Приведу некоторые выражения Громыко, дабы показать, как ради поста Председателя Президиума ВС СССР даже неподкупный советский политик зашел осанну недостойному претенденту на пост Генсека.

Андрей Андреевич особо подчеркнул, что Горбачёв *“показал себя блестяще, без всякого преувеличения”* во время *“испытательного срока”*, председательствуя не только в Секретариате ЦК, но, из-за болезни Черненко, и на заседаниях Политбюро. Громыко также отметил, что Михаилу Сергеевичу присуще *“умение видеть главные звенья и подчинять им второстепенные. Это умение – достоинство, и большое достоинство. Так что вывод, который сделало Политбюро, – правильный вывод. В лице Михаила Сергеевича Горбачёва мы имеем деятеля широкого масштаба, деятеля выдающегося, который с достоинством будет занимать пост генерального секретаря ЦК КПСС”*.

Авторитет Громыко в то время был непререкаем для членов ЦК КПСС. Михаил Сергеевич был единодушно, без какой бы то ни было дискуссии, избран Генеральным секретарём ЦК КПСС. Известно, что впоследствии Громыко сильно сожалел о своей кадровой ошибке. Понаблюдав деятельность Горбачёва на посту Генсека, Андрей Андреевич с горечью признал, что тот в политике просто *“звонок, а не мужчина!”* А позже добавил: *“Не по Сеньке оказалась шапка государева, не по Сеньке!”* К сожалению, “прозрел” Громыко слишком поздно.

Благими намерениями...

Успех избрания Горбачёва Генсеком ЦК КПСС, прежде всего, был предопределён невероятной оперативностью, с которой Михаил Сергеевич и его сторонники провели заседания Политбюро и Пленум ЦК КПСС. Оппоненты и опомниться не успели, а Горбачёв **спустя всего 22 часа** после смерти Черненко занял его место. Такого в истории КПСС и СССР ещё не было. Впоследствии “помощники”, обеспечившие приход Горбачёва к власти, объясняли свою позицию тем, что, мол, надоело гробы со старцами таскать. Между тем известно, что благими намерениями дорога в ад вымощена.

Перечислю тех, кто сыграл решающую роль в избрании Горбачёва Генеральным секретарём ЦК КПСС. Это начальник 4-го Главного управления Минздрава СССР Е. Чазов, секретарь ЦК КПСС Е. Лигачёв, министр иностранных дел СССР А. Громыко и председатель КГБ СССР В. Чебриков.

В своей книге **“Рок”** Е. Чазов заявил, что Черненко, даже став Генеральным секретарём, не догадывался о его дружеских отношениях с Горбачёвым. Известно, что, благодаря своевременной информации Чазова о состоянии здоровья Черненко, горбачёвцы сумели обеспечить прибытие в Москву уже днём 11 марта целого ряда членов ЦК из дальних регионов страны.

В результате Пленум ЦК КПСС смог начать работу спустя всего **21 час и 40 минут** после смерти К. Черненко. Такая оперативность могла быть обеспечена только в случае надёжного предсказания даты и времени смерти Генсека. Но самое главное, смерть Черненко наступила опять-таки очень **вовремя**.

В это время один из реальных претендентов на пост Генсека – В. Щербицкий – по инициативе Громыко был направлен с официальным визитом в США. Позиция Владимира Васильевича на Политбюро могла объединить противников Горбачёва. По утверждению Я. Рябова, тогдашнего заместителя Председателя Совета Министров СССР, самолёт, на котором Щербицкий возвращался

в Москву, был специально задержан в аэропорту Нью-Йорка. В результате Владимир Васильевич не успел на заседание Политбюро. Весть об избрании Горбачёва Генсеком Щербицкий получил на борту самолёта.

Бывший зав. Общим отделом ЦК КПСС В. Болдин в интервью газете **“Коммерсант-Власть”** (15.05.2001) заявил, что задержку рейса Щербицкого в аэропорту Нью-Йорка *“организовали ребята Чебрикова из КГБ. Труднее было провести его избрание на пленуме ЦК. У меня были доверительные отношения с секретарями обкомов, и они говорили откровенно, что знают о Горбачёве мало, а то, что знают, — так не приведи Господи. Но всё-таки было понимание и того, что нельзя избирать Генсеком четвёртого старика подряд”!*

Огромную работу по продвижению кандидатуры Горбачёва на пост Генсека провёл заведующий Отделом организационно-партийной работы и секретарь ЦК КПСС Е. Лигачёв. К моменту проведения Пленума ЦК КПСС он сумел заменить 70% первых секретарей обкомов и крайкомов своими людьми, готовыми выполнить любое его указание. Тот же Болдин говорил, что Лигачёв *“обзванивал ночью перед пленумом секретарей обкомов. Но важнее было другое. За Горбачёва был аппарат ЦК. И значит, на места первой поступила информация в нужном для Горбачёва ключе. Тут ведь действует какое правило? Кто первый вложил в нужное ухо информацию, тот и прав. Шифровальный аппарат был только у ЦК”.*

Кстати, В. Гришин, бывший первый секретарь Московского ГК КПСС, в воспоминаниях **“От Хрущёва до Горбачёва”** заметил: *“Никто не принёс партии столько вреда, сколько Лигачёв”.* Мне лишь однажды довелось наблюдать, как Е. Лигачёв решал проблемы. Дело было в период, когда в Союзе сложилось крайне сложная ситуация с подвижным железнодорожным составом.

Проблема во многом возникла по причине плохого состояния и неразвитости подъездных железнодорожных путей на предприятиях, использовавших ж/д транспорт. Ситуацию также усугубляло неудовлетворительное состояние погрузочно-разгрузочных механизмов на этих предприятиях. В результате ж/д транспорт неоправданно долго задерживался на подъездных путях.

Меня как секретаря райкома, занимавшегося экономикой крупнейшего в Литве промышленного района (10% промышленности республики и 20% — строительства), пригласили в селекционную ж/д **“Вильнюс”** на всесоюзную оперативку.

К сожалению, никакого анализа сложившейся ситуации и предложений по выходу из неё от Егора Кузьмича не прозвучало. Всё свелось к угрозам и требованиям. Литовские руководители сидели молча, лишь переглядываясь. После завершения оперативки один из директоров, мой хороший знакомый, подошёл ко мне и сказал: **“Вот видишь, Владиславас, как Москва пилит сук, на котором сидит”.** Этим было сказано всё.

Но вернусь к заседанию Политбюро. Решающее значение для избрания Горбачёва имела позиция старейшего и уважаемого члена Политбюро А. Громыко. Вероятно, к 1985 году Андрея Андреевича стали обуревать мысли о том, чем закончится его почти полувековое служение Отечеству: скромными похоронами рядового советского пенсионера или помпезной церемонией у Кремлёвской стены.

Как говорилось, попытка Громыко после смерти Сулова прорваться на партийный Олимп закончилась неудачей. Пытаться осуществить это ещё раз после смерти Черненко было практически бессмысленно. К Горбачёву Громыко относился долгое время достаточно безразлично. Но буквально за неделю до Пленума он негативно отозвался о Горбачёве. И вдруг такая метаморфоза. Чем же она была вызвана?

Как выяснилось, используя момент, Громыко постарался решить свои властные притязания. Накануне смерти Черненко Андрей Андреевич поручил своему сыну Анатолию связаться с Александром Николаевичем Яковлевым, известным своими неформальными контактами с Горбачёвым, на предмет получения им поста Председателя Президиума ВС СССР в обмен на выдвижение Горбачёва на пост Генсека. В результате переговоров Горбачёв согласился с предложением Громыко.

Вот так министр иностранных дел СССР Громыко в течение десятилетий (36 лет в составе ЦК, из них 15 — в Политбюро), непреклонно отстаивавший на международной арене государственные интересы, на склоне жизни поступился этими интересами во имя личных. В июле 1985 года он получил пост Председателя Президиума ВС СССР.

Особо отмечу, что персона Михаила Сергеевича после его прихода в ЦК КПСС была в центре внимания не только западных политиков, но и спецслужб. О том, что досье на Горбачёва в Госдепе США и ЦРУ было достаточно полным и объёмным, говорит тот факт, что внушительная по объёму биография Горбачёва **вышла отдельной брошюрой в свет в Нью-Йорке в день его избрания Генеральным секретарём ЦК КПСС.**

О том, как плотно западные спецслужбы контролировали руководителей СССР, свидетельствует следующий факт. В 2010 году в одной из передач “Власть и здоровье” телепрограммы “Совершенно секретно” прозвучало сенсационное заявление со ссылкой на Александра де Маршана, бывшего главы французской Службы документации и контршпионажа (SDECE, внешняя разведка). Тот в 1995 году обнародовал информацию о том, как французы сумели получить биологические материалы, которые якобы позволили определить состояние здоровья Брежнева.

Дело, видимо, происходило во время визита Брежнева во Францию в 1977 году. До этого в 1976 году Генсек ЦК КПСС перенёс тяжёлый инсульт и клиническую смерть. Запад очень интересовало состояние его здоровья. Утверждают, что агенты французской разведки сняли в гостинице апартаменты под теми, которые должен был занимать Генсек, и подсоединились к канализационной трубе, ведущей из номера советского руководителя. Тем самым они получили доступ к весьма секретному “информационному материалу”, который тут же был направлен в парижские лаборатории. Вердикт экспертов был следующим: советский вождь серьёзно болен.

Однако другие источники утверждают, что КГБ разгадал коварный замысел французов, и в номере Брежнева туалетом пользовались только сопровождающие Генсека лица и охрана. Следует заметить, что Александр де Маршан являлся неординарной личностью. Он был активным бойцом французского Сопротивления. Помимо этого, Маршан носил титул графа и весьма дорожил своей репутацией, чтобы заявлять какие-либо непроверенные вещи.

Однако дело не в том, правдив или нет вышеизложенный факт. Главное в том, что для западных спецслужб и кандидат на пост Генсека, и его персона представляли особый интерес. Во имя получения нужной информации они были готовы подключиться не только к канализационной трубе. А уж для того, чтобы их человек, которым, как выяснилось, являлся М. Горбачёв (подробнее об этом ниже), стал Генеральным секретарём ЦК КПСС, был задействован максимум человеческих и материальных ресурсов, которыми западные спецслужбы располагали в тот период в СССР.

Что же касается информации с заседания Политбюро и Пленума ЦК КПСС для Госдепа США, то, без сомнения, её источником являлся тот самый А. Н. Яковлев, который поддерживал тесные связи не только с Горбачёвым, но и с западными спецслужбами.

В подтверждение этой версии сошлюсь на весьма серьёзное свидетельство. В своём последнем интервью журналисту Евгению Жирнову бывший Председатель КГБ СССР В. Чебриков рассказал любопытный случай: *“Юрий Владимирович Андропов показал мне записку, с которой он был на докладе у Брежнева. О том, что член ЦРК КПСС такой-то по всем признакам является агентом американской разведки. Леонид Ильич прочёл и сказал: “Член ЦРК предателем быть не может”.*

Добавлю, что именно А. Н. Яковлев в период руководства Брежнева был членом Центральной Ревизионной Комиссии КПСС (ЦРК). Интервью Чебрикова по его просьбе было опубликовано только после его смерти (“Коммерсантъ-Власть”, 24.10.2005).

Яковлев, занимая в марте 1985 года скромную, по кремлёвским меркам, должность директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, сыграл одну из ключевых ролей в продвижении Горбачёва на пост Генсека.

Скромное обаяние Запада

После вышеизложенного, у читателя может возникнуть естественный вопрос: кем был Горбачёв? **Агентом Запада или просто удобной кандидатурой?** Вопрос непростой. Ведь Горбачёв являлся правителем мировой державы. Власти у него было больше, чем у любого падишаха. Да и материальные

возможности были весьма и весьма значительными. Взять, к примеру, две госдачи, которые были построены для Горбачёва. Одна – в Крыму, в Форосе, другая – в Мюссерах, рядом с Пицундой.

Их стоимость составляла более двух миллиардов долларов. О таких дачах за казённый счёт президенты США могли только мечтать, не говоря уже о возможностях за казённый счёт удовлетворять бытовые и продовольственные потребности. Так мог ли Запад чем-то прельстить президента СССР? Да, к сожалению, мог! Анализ биографии Михаила Сергеевича позволяет это утверждать.

Прежде всего, я напомню о “плане Лиоте”. О нём написал в книге **“Как готовили предателей...”** Филипп Денисович Бобков, бывший начальник V управления КГБ СССР и зампред КГБ СССР. *“Одним из ключевых проектов по разрушению СССР был “План Лиоте”, разработанный в ЦРУ США вскоре после окончания Второй мировой войны. Он был назван по фамилии французского генерала, воевавшего в своё время в Алжире. Генерал Лиоте призывал сажать деревья вдоль алжирских дорог, чтобы через многие годы, когда эти деревья вырастут, французы могли отдыхать в их тени.*

Американский “План Лиоте” предусматривал создание в Советском Союзе мощной, ориентированной на Запад прослойки в среде интеллигенции и в верхних эшелонах власти. В нужный момент, “когда деревья станут большими”, для США возникнет благоприятная ситуация для нанесения смертельного удара по СССР...”

На собственном опыте я убедился в том, что западные спецслужбы стремились отслеживать перспективную советскую молодёжь. Вспоминаю сентябрь 1973 года. Группа литовских комсомольских активистов, в которой находился и я, выехала в турпоездку по Англии. В то время такие визиты были редкостью, и местные английские газеты в городах пребывания писали о нас как о группе молодых советских лидеров. Естественно, к нам было приковано повышенное внимание.

В частности, оно выразилось в том, что нас постоянно сопровождал высокий, рыжеволосый и усатый здоровяк, представившийся сотрудником английской полиции. Якобы он должен был защитить нас от террористов из ИРА (Ирландская республиканская армия). Действительно, в то время ИРА особенно активизировалась в Англии. Однажды нам даже пришлось срочно покидать универмаг “Марк энд Спенсер” в связи с заложённой там бомбой.

Наш “ангел-хранитель” проявлял нешуточный интерес к анкетным данным членов группы: где и кем кто работает, какие хобби и т. д. Секрет раскрылся на прощальном вечере, когда, перебрав “Столичной”, наш “страж” сообщил, что он сотрудник английской разведки, который может решить любые проблемные вопросы, в том числе и с политическим убежищем.

Это заявление было сделано не случайно, так как некоторые члены группы постоянно подчёркивали, что они не из СССР, а из Литвы. Но всё обошлось. Группа в полном составе вернулась в Союз. Однако анкетные данные и характеристики членов нашей группы, без сомнения, легли на стол аналитиков MI-6, а далее – и ЦРУ. Не сомневаюсь, что в период так называемой “поющей революции” в Литве 1988–1990 годов кое-кто из этой группы был задействован западными спецслужбами.

Горбачёв, ставший в 1958 году (в 27 лет) первым секретарём Ставропольского крайкома ВЛКСМ, был весьма подходящей кандидатурой для “плана Лиоте”. Ну, а когда в 1970 году (в 39 лет) он занял пост первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС, давшего двух членов Политбюро ЦК КПСС – М. Суслова и Ф. Кулакова, – то, безусловно, должен был заинтересовать американское ЦРУ и английскую СИС.

Для зарубежных спецслужб не являлись секретом контакты первых секретарей Ставропольского крайкома КПСС с отдыхающими членами Политбюро. В 1994 году в Минске бывший заместитель заведующего Отдела пропаганды ЦК КПСС Владимир Николаевич Севрук в разговоре со мной утверждал, что чета Горбачёвых в сентябре 1971 года попала в поле зрения экспертов ЦРУ, работавших по программе Гарвардского проекта и связанного с ним “плана Лиоте”.

Тогда Горбачёв, как молодой перспективный партийный деятель, прилетел в Италию по приглашению итальянских коммунистов на симпозиум молодых политиков левой ориентации. В этой поездке Михаила сопровождала его жена Раиса. ЦРУшников привлёк не только внушаемый и быстро подхватывающий новые идеи, словоохотливый и себялюбивый Михаил, но, прежде всего, Раиса

с её жёстким характером, необузданным честолюбием, стремлением к власти, жадностью и неограниченным влиянием на мужа. Тандем “Михаил & Раиса” западные эксперты сочли наиболее **перспективным для проталкивания “навёрх”**.

Представляет интерес история того, когда и как Горбачёвы стали приобретать к капиталистическим ценностям. Приведу одну цитату из мемуаров Горбачёва **“Жизнь и реформы”** о поездках за рубеж, которая приоткрывает его подлинное отношение к Западу. *“В 70-е годы посетил Италию, Францию, Бельгию, Федеративную Республику Германию. В одном случае – в составе делегаций, в другом – на отдыхе по приглашению компартий этих стран.*

Поездки на отдых были более продолжительны, давали широкие возможности для знакомства со страной и жизнью её граждан. Первой была Италия в 1971 г<оду>. В 1972 году я возглавил делегацию КПСС в Бельгию. Кроме Брюсселя, делегация побывала в Льеже, Арденнах, Шарлеруа, Антверпене, Генте, Брюгге. В один из дней нам предложили съездить в Голландию. Нашу реакцию угадать нетрудно: **“Проклятый загнивающий капитализм! Даже границ у него нет”**. И ещё один повод подумать, что мы **искажённо представляем себе зарубежный мир**”.

Но поистине ошеломляющее воздействие западный образ жизни оказал на Горбачёва и его жену Раису в ходе 21-дневной поездки по Франции в сентябре 1977 года. Они путешествовали на легковой машине с переводчиком. Проехали 5000 км, посетили десяток городов. Представляется вероятным, что именно в период этой поездки чета Горбачёвых была окончательно “завербована”, но не спецслужбами, а, как выразился Горбачёв, “загнивающим” капитализмом. Франция с уютными городками и красочными деревнями, в которых люди как бы наслаждались жизнью, поразила Михаила и Раису. Это разительно отличалось от России.

Уже упомянутый В. Казначеев рассказывал мне, что Раиса Горбачёва от поездки во Францию была в шоке. Она часто заводила разговор об этой поездке и о том, что в СССР следует добиться такой жизни, как во Франции. Эта мысль для Раисы Максимовны стала идеей-фикс, которую она не только навязала Горбачёву, но и убедила его, что он сможет её осуществить.

Представляется вероятным, что поездки за рубеж, витрина обеспеченной жизни на Западе привели Горбачёва к выводу, что социализм якобы не способен решить проблему повышения благосостояния советского общества. В итоге Михаил Сергеевич психологически был готов поверить, что только капитализм поможет СССР решить социально-экономические проблемы.

Однако считать, что Горбачёв был завербован в Италии или Франции, несерьёзно. ЦРУ и МІБ владели методиками косвенного воздействия на человека. В случае с Горбачёвым задача облегчалась особенностями его характера. У Михаила Сергеевича был чрезвычайно сильно развит комплекс нарциссизма (самолюбования), и на него можно было легко влиять, используя принцип лисы Алисы, суть которого выражается в стихике: *“На дурака не нужен нож, // ему с три короба наврёшь // и делай с ним, что хошь”*. Конечно, Горбачёва дураком не назовёшь, но, как замечали окружающие, если умело поддерживать и превозносить его ум и новации, то он терял чувство реальности. Одним словом, **политический Буратино**.

“Доверительные” встречи в Оттаве, США и Лондоне

В мае 1983 года Горбачёв без особой необходимости сумел настоять на своём полёте в Канаду – якобы бы поучиться опыту организации сельского хозяйства. В Оттаве, столице Канады, советским послом в тот период подвизался бывший первый зам. заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС Александр Яковлев. Он в 1999 году в предисловии к русскому изданию **“Чёрной книги коммунизма”**, составленной коллективом французских антикоммунистов, заявил:

“Так уж сложилась моя судьба, что я много и въедливо изучал работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, Мао и других “классиков” марксизма... именно они сделали меня убеждённым антикоммунистом, противником мракобесного, коварного своей простотой и доступностью учения”.

Антикоммунистическую обработку Яковлев прошёл в 1958–1959 годах в Колумбийском университете США. Туда он был направлен ЦК КПСС на ста-

жигурку в рамках программы сенатора Фулбрайта. Известно, что тогда при этом университете действовал Русский Институт, возглавляемый ярким анти-советчиком Збигневом Бжезинским. По сведениям КГБ СССР, именно в период этой стажировки Яковлев пошёл на контакт с ЦРУ.

Но вернусь к Горбачёву. Напомню, что в 1983 году Генсеком ЦК КПСС являлся Ю. Андропов. На Западе было известно критическое состояние его здоровья. Андропов мог умереть в любую минуту. Шансы стать Генсеком после смерти Юрия Владимировича у Горбачёва тогда были минимальные. Основной состав Политбюро был против него.

Западные спецслужбы, которые к этому времени достаточно хорошо изучили Горбачёва, полагали, что именно он является тем будущим Генсеком, который будет крайне удобен Западу. Поэтому их беспокоила слабость позиций Горбачёва в Политбюро. Об этом достаточно откровенно сказала в ноябре 1991 года экс-премьер Великобритании Маргарет Тэтчер в своём выступлении на юбилейном заседании Американского института нефти (American Petroleum Institute, API).

Уточню, что АИН — это не институт в нашем понимании, а национальная неправительственная ассоциация в США, занимающаяся исследованиями всех аспектов деятельности нефтяной и газовой промышленности. Она периодически организует встречи представителей нефтяных и нефтехимических компаний, на которых они вырабатывают общий курс, во многом влияющий на политический курс США.

М. Тэтчер была приглашена на заседание как бывший химик и политический деятель (с поста премьер-министра она ушла 28.11.1990 года). Видимо, желая поддержать своё политическое реноме, Тэтчер решила рассказать, как Запад и она, в частности, разрушали СССР. Приведу цитату из её выступления, касающуюся Горбачёва.

“Сложилась весьма трудная для нас ситуация. Однако вскоре поступила информация о близящейся смерти советского лидера и возможности прихода к власти с нашей помощью человека, благодаря которому мы сможем реализовать наши намерения.

Это была оценка моих экспертов (а я всегда формировала очень квалифицированную группу экспертов по Советскому Союзу и, по мере необходимости, способствовала дополнительной эмиграции из СССР нужных специалистов).

*Этим человеком был М. Горбачёв, который характеризовался экспертами как человек **неосторожный, внушаемый и весьма честолюбивый**. Он имел хорошие взаимоотношения с большинством советской политической элиты, и поэтому приход его к власти с нашей помощью был возможен. . . ”*

Из сказанного Тэтчер ясно, что Горбачёв давно был в поле зрения западных спецслужб. А в мае 1983 года на Западе назрела необходимость познакомиться с ним поближе как крайне желательным претендентом на пост Генсека ЦК КПСС. Встречу было решено организовать в Оттаве, столице Канады, где советским послом работал А. Яковлев.

Неизвестно, каким образом Горбачёв получил информацию о желательности его полёта в Канаду. Но в мае 1983 года он сумел убедить Андропова, что ему крайне необходимо ознакомиться с канадским опытом ведения сельского хозяйства. Между тем известно, что Горбачёв всю командировку провёл в Оттаве, без выезда в поля.

Известно, что с Михаилом Сергеевичем **трижды** встречался премьер-министр Канады Эллиот Трюдо, хотя обычно советским политическим деятелям полагался один официальный визит. Причём на каждой встрече Горбачёва с канадским премьером присутствовали разные люди. В 1990 году сотрудники аппарата ЦК КПСС по секрету мне говорили, что первые западные смотрины будущего Генсека прошли в Канаде.

Основное время в Оттаве Горбачёв провёл с тогдашним послом СССР в Канаде А. Яковлевым, на квартире которого он остановился. Яковлев писал, что он нашёл с Горбачёвым взаимопонимание по всем вопросам. *“Мы нашли совпадение политических идей и идеалов. Всю ночь разговаривали с ним о том, что нельзя так дальше идти, а то СССР развалится и экономически, и политически. Чтобы выжить, необходимы реформы, обновления. Мы поняли друг друга”.*

Вспоминая беседы с Горбачёвым во время ночной прогулки по лужайкам Оттавы, Яковлев в книге воспоминаний **“Сумерки России”** (2005) отметил,

в Канаде он и Горбачёв пришли к мнению, что “догматическая интерпретация марксизма-ленинизма настолько антисанитарна, что в ней гибнут любые творческие и даже классические мысли”.

Возникшее духовное родство Горбачёва и Яковлева выразилось в том, что, когда канадский журналист издания **The Globe and Mail** наутро решил взять у Михаила Сергеевича интервью, его в советском посольстве принял Яковлев. Александр Николаевич пояснил, что “Михаил Сергеевич отсыпается, мы всю ночь пробеседовали, но если Вас что-то интересует, то спрашивайте у меня, — **Горбачёв подпишет, он мыслит, как и я**”.

Несомненно, что именно Яковлев сумел сформировать у Горбачёва окончательное убеждение в том, что социализм является тупиковым путём развития человечества. Также не вызывает сомнений, что если до полёта в Канаду у Горбачёва в голове была своеобразная солянка из идей демократического социализма, внушённого ему З. Млынаржем, и идей о конвергенции социализма и капитализма, то по возвращении из Канады у него сложилось чёткое убеждение в том, что социализм не имеет перспектив.

Видимо, по этой причине Горбачёв принял предложение Яковлева съездить из Оттавы в Соединённые Штаты Америки для знакомства с нужными людьми. Эта информация была получена мною от весьма достоверного источника, открывать который я пока не имею права.

В результате в предпоследний вечер пребывания Горбачёва в Оттаве он и Яковлев на машине отправились в США, благо, что американская граница была рядом с канадской столицей. Видимо, где-то в Штатах состоялась окончательная смотровая встреча американцев с Горбачёвым. Яковлев знал, куда в США следует отвезти московского гостя, который был не прочь стать **агентом влияния США**.

О чём был разговор с Горбачёвым в Штатах, неизвестно, но, видимо, он получил какие-то важные советы, возможно, контакты с американскими агентами влияния, занимавшими важные посты в СССР. Горбачёвым американцы остались довольны, что подтверждает то, что после визита в Канаду на Михаила Сергеевича обратила внимание премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер. Она в феврале 1984 года приехала на похороны Юрия Владимировича Андропова и высказала большое желание познакомиться с Михаилом Сергеевичем.

Интерес к Горбачёву после Канады проявил и тогдашний вице-президент США Джордж Буш-старший. Он, как вспоминал руководитель советской делегации на Женевской конференции по разоружению Виктор Израэлян, во время своего визита в Женеву в апреле 1984 года хотел встретиться с М. Горбачёвым. Но ему это не удалось. Тем не менее, Буш в беседе один на один заявил Израэлян: “**Вашим следующим лидером будет Горбачёв**” (Израэлян В. Несостоявшаяся встреча. АиФ, № 25, 1991).

Заявление, прямо скажем, смелое. Ведь в соперниках Горбачёва на пост Генсека, как говорилось, числились достаточно молодые советские политические тяжеловесы: член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Григорий Романов и член Политбюро, первый секретарь ЦК КП Украины Владимир Щербицкий. Тем не менее, Буш высказал своё мнение о Горбачёве со стопроцентной уверенностью.

Затем последовало нечто удивительное. В конце 1984 года правительство Великобритании вдруг решило придать “прохладным” англо-советским отношениям новый импульс. Оно предложило прислать в Лондон советскую делегацию, но при условии, что её **возглавит М. Горбачёв**. Тогдашний Генсек ЦК КПСС Константин Черненко и его окружение не придали особого значения этому приглашению и согласились направить в декабре 1984 года в Лондон малозначимую, не статусную по составу делегацию Верховного Совета СССР во главе с Михаилом Сергеевичем.

Интересный факт. В делегацию по предложению Горбачёва был включен бывший посол СССР в Канаде, а тогда директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР А. Яковлев. То есть фигура в политическом плане третьеразрядная, мало подходящая для включения в правительственную делегацию.

В Лондоне рядовой секретарь ЦК КПСС был принят по высшему разряду. Горбачёв удостоился чести быть приглашённым в загородную резиденцию премьер-министра Чеккерс. Туда приглашались лишь высокопоставленные

иностранные представители, с которыми М. Тэтчер намеревалась провести особо важную и доверительную беседу. Вместе с Горбачёвым приглашение получил и Яковлев (!).

Тот в 2000 году в интервью изданию **“Коммерсантъ-Власть”** (14.03) объяснил, что успех встречи Горбачёва с Тэтчер был предопределён визитом в Канаду. То есть в Англии ждали именно Горбачёва, который успешно прошёл смотрины в Оттаве и США. Кстати, советские газеты о визите Горбачёва в Англию почти не писали.

В Лондоне Михаил Сергеевич оправдал ожидания Тэтчер. Да и как было не поразиться советскому политическому деятелю, который осмелился привезти в Лондон, как впоследствии писал в своих мемуарах **“Омут памяти”** Яковлев, **“карту Генштаба со всеми грифами секретности, свидетельствовавшими, что карта подлинная. На ней были изображены направления ракетных ударов по Великобритании...”**

На самом деле, вероятно, это была карта, изготовленная подручными Яковлева. 8 января 2009 года я беседовал по телефону с генерал-полковником Леонидом Григорьевичем Ивашовым по поводу секретной карты Генштаба МО СССР, которую Горбачёв якобы привёз в Лондон и демонстрировал М. Тэтчер.

Ивашов заявил, что подобное было невозможно. В 1984 году в Генштабе он как раз отвечал за сохранность секретных документов, в том числе и карт. Сохранность этих документов проверялась ежедневно. Вынос секретных карт из помещения Генштаба был категорически запрещён. Тем более Горбачёв в 1984 году не обладал статусом, позволяющим ему запрашивать секретные карты Генштаба.

На премьершу “секретная” карта произвела впечатление, хотя я уверен, что сотрудники М16 (внешняя разведка Великобритании) впоследствии растолковали Тэтчер, что это была за карта. Но авантюризм Горбачёва, пытавшегося таким образом повысить свой статус, Тэтчер оценила.

Вдобавок к этому Горбачёв, не имея полномочий от Политбюро ЦК КПСС и Верховного Совета СССР, стал убеждать Тэтчер, что **“со всем этим надо кончать”**. По итогам встречи премьерша заявила, что с Горбачёвым **“можно иметь дело”**. С этим выводом Тэтчер отправилась к тогдашнему президенту США Рональду Рейгану.

М. Тэтчер впоследствии не скрывала причастности Запада к карьере Михаила Сергеевича. Известно её заявление: **“Мы сделали Горбачёва генеральным секретарём”**.

Тайные беседы на английском

Известно, что Горбачёв уже в советский период достаточно сносно владел английским. Об этом в 2008 году в **“Российской газете”** написал Н. Долгополов (Неделя, № 4806 от 4 декабря). Начальник охраны В. Медведев в книге **“Откровения бывшего начальника личной охраны Горбачёва и Брежнева”** писал: **“У Горбачёва были частные встречи с зарубежными лидерами “под разными флагами”, но никто не должен был знать о них”**. Горбачёв, владея английским на бытовом уровне, в ходе таких встреч мог наедине обсуждать весьма “щекотливые” вопросы.

Впервые это произошло в Рейкьявике (октябрь 1986 года) в ходе личных бесед М. Горбачёва с президентом США Р. Рейганом. Тогда они наедине у камина впервые обсудили **вопросы смены политического строя в СССР и выхода республик Прибалтики из СССР**. Как известно, в октябре 1984 года в СССР официально сообщалось, что встреча Горбачёва с Рейганом завершилась безрезультатно.

Но Горбачёв не был бы Горбачёвым, если бы в 1993 году, будучи с частным визитом в Париже, не проболтался корреспонденту французской газеты **“Фигаро”** о том, что встреча в Рейкьявике имела эпохальное значение. Бывший президент СССР признался, что **“Рейкьявик был драмой, большой драмой... Я считаю, что без такой сильной личности, как Рональд Рейган, процесс не пошёл бы... На той встрече в верхах мы... зашли так далеко, что обратно уже повернуть было нельзя”**.

Этого было достаточно, чтобы **“Фигаро”** озаглавило интервью с Горбачёвым интригующе **“Надо отдать должное Рональду Рейгану”**. В этом интервью был сделан вывод, что Горбачёв на встрече с Рейганом в Рейкьявике фактически отдал СССР на милость США.

Литовский правозащитник Валерий Иванов утверждает, что в 1989 году он ознакомился с брошюрой на литовском языке, изданной в Ватикане. В ней сообщалось, что во время конфиденциальных переговоров Горбачёва с Рейганом в Рейкьявике третьим вопросом обсуждался вопрос **о выходе из СССР прибалтийских союзных республик**. Именно тогда Горбачёв дал принципиальное согласие на их выход (Иванов В. “Литовская тюрьма”. 1996. С. 83).

Это было не случайно. Горбачёв понимал обновлённый Союз как Союз, избавившийся от обременительных для советского бюджета прибалтийских республик. Это подтверждает свидетельство бывшего первого секретаря Одесского обкома Компартии Украины Крючкова Георгия Корнеевича, которому Горбачёв осенью 1988 года в ходе беседы заявил: “Главное, чтобы Россия, Украина и Белоруссия были вместе, а без этих прибалтов мы обойдёмся...” (<http://2000.net.ua/is/474/481-b8.pdf>).

В завершение темы приведу оценку Горбачёва, как политического деятеля, Яковым Кедми, бывшим главой одной из самых секретных спецслужб Израиля “Натив”. В своей книге “**Безнадёжные войны**” он отметил у Михаила Сергеевича полное отсутствие самокритичности и способности реально оценивать ситуацию.

Кедми пишет: “Я встретился с Горбачёвым уже после его падения (в 1996 году. — В. Ш.). Два часа разговора с ним произвели на меня очень тяжёлое впечатление. Я не мог отделаться от мысли: до какой степени **деградировала правящая элита**, если такому человеку дали возможность управлять страной, управлять империей. Девяносто пять процентов времени Горбачёв рассказывал мне о своем величии, о том, как народ любит и ценит его и как на ближайших выборах он получит абсолютное большинство, поскольку он один может спасти Россию и ему народ верит. **И этого человека поставили во главе государства в 1985 году, а он совершил все мыслимые ошибки...**” Более точно о Горбачёве сказать трудно.

(Продолжение следует)